

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 31

1983

Наум ЛАБКОВСКИЙ

НЕВЫПОЛНИМЫЕ ЗАДАНИЯ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 31

Наум ЛАБКОВСКИЙ

НЕВЫПОЛНИМЫЕ ЗАДАНИЯ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1983

Наум ЛАБКОВСКИЙ

Наум Давыдович Лабковский принадлежит к старшему поколению советских писателей-юмористов.

Родился он в 1908 году в Тбилиси.

В 1927 году переехал в Москву, где начал сотрудничать в центральных газетах и журналах. Рассказы, очерки и фельетоны Н. Д. Лабковского печатались в «Правде», «Известиях», «Литературной газете», «Вечерней Москве», «Советской культуре», «Огоньке», «Крокодиле», «Неделе» и других изданиях.

Автор выпустил в Москве около тридцати книжек, среди которых большинство — сборники юмористических рассказов и фельетонов («Медвежий душ», «Собака Муза», «Большой вальс», «Тетка императора» и др.), а также переводы польских и болгарских юмористов («Польские фразки», «Сирена в котелке», «Девушка из нейлона», «Осторожно на поворотах» и др.)

Н. Лабковский — автор стихов многих, ставших популярными песен: «Полевая почта», «Вьется вдаль тропа лесная», «Неспокойно родное море», «Далеко от дома», «Родные берега», «Парень-паренек», «Домик на Лесной» и других.

Юмористические рассказы Н. Лабковского неоднократно перепечатывались в болгарских, польских, немецких, чехословацких, югославских журналах и газетах.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: СЕРГЕЙ СЕРГЕИЧ!

Сергей Сергеич протянул мне руку.

— Очень приятно, — сказал он, — я Сергей Сергеич. Ваша радость.

— То есть как это? — не понял я.

— А очень просто. Вы писатель-сатирик. А я положительный герой сатирической литературы. Радость сатирика! И заметьте — должность у меня так и просится на титульный лист юмористической книжки: «Первый помощник второго заместителя». Ну, как? Берете?

— Действительно! — обрадовался я. — Очень рад, что вы мне подвернулись.

— Это не я вам подвернулся, а вы мне, — улыбаясь, поправил Сергей Сергеич. — Меня выпестовала наша действительность. Я ей был нужен как противодействие. По законам физики: каждое действие вызывает противодействие. Пока существуют действия, подведомственные сатире, буду существовать и я, как сатирическое противодействие. И тут подвернулись мне вы. Не вы, так другой бы за меня ухватился. Такие персонажи, как я, на улице не валяются. Давайте дружить?

— Давайте! — согласился я.

— Ну вот и хорошо. Теперь, значит, как чуть что такое произойдет, я сразу к вам. А вы уж на бумагу, конечно, в меру сил и способностей, отпущенных вам природой. Так что за качество продукции я ответственности нести не буду. Я отвечаю только за сырье...

Так мы с ним и подружились. И дружим уже много лет.

Организация, в которой работает Сергей Сергеич, стала для меня родным домом, и я часто ловлю себя на том, что говорю: «у нас в организации», «у нас в учреждении». Неудивительно! Все радости и огорчения Сергея Сергеича я переживаю как личные.

Недавно я решил отметить мое знакомство с Сергеем Сергеичем. Приближалась довольно круглая дата.

Я позвонил ему. Пригласил в шашлычную.

— Отметим юбилей нашего знакомства! — предложил я.

— Увы! — вздохнул Сергей Сергеич. — Я человек уже не молодой. Острые блюда мне противопоказаны. Крепким напиткам противопока-

зан я. Что мне делать в ресторане? Лучше соберите все, что вы написали о моей персоне, переплетите и преподнесите мне. На старости лет я буду читать это внукам вслух, и самому будет приятно вспомнить прошлое, и внукам будет полезно узнать, как не следует действовать в будущем.

Я воспринял слова Сергея Сергеича как указание. Собрал кое-что из того, что писал о нем, перепечатал на машинке, а переплести все это предоставил типографским переплетчикам, они это сделают лучше меня. А я им скажу спасибо...

НЕВЫПОЛНИМОЕ ЗАДАНИЕ

Так уж повелось у нас в организации, что, приходя утром на работу, второй заместитель сразу же вызывал к себе своего первого помощника Сергея Сергеича.

Спустя полчаса Сергей Сергеич выходил из кабинета начальника с блокнотом, полным поручений и заданий, и приступал к работе, а второй заместитель приступал к телефонным разговорам.

На этот раз все было не так. Правда, Сергея Сергеича ровно в девять вызвали в кабинет начальника, но второй заместитель, вместо того чтобы начать беседу словами: «Стало быть, записывайте», — посмотрел на помощника заискивающе и придвинул ему стул.

Сергей Сергеич, вздохнув, присел. Вздохнул он потому, что давно знал: за такой любезностью обычно следовало невыполнимое задание.

— Я имею для вас небольшое поручение, — начал второй заместитель. — Как вы знаете, мы шефствуем над Гороховским районом. Прямо надо сказать, шефство подзапущено. А тут конец года на носу, отчитываться придется... Вчера как раз звонили из района.

Сергей Сергеич понимающе кивнул головой.

— Все бы ничего, да одна запланированная лекция срывается, — продолжал второй заместитель. — На тему «Есть ли бог на земле?». В данном районе преобладают женщины, основная масса — пожилые. Когда речь касается бога, .. вполне возможна обструкция...

Второй заместитель замаялся и неуверенно поглядел на Сергея Сергеича. Тот невозмутимо ждал продолжения.

— Вы у нас на все руки мастер, — подобострастно сказал второй заместитель. — Поезжайте к подшефным, проведите там массовое мероприятие на эту тему, ну, вечер вопросов и ответов, что ли.

Сергей Сергеич кивнул и записал в блокнот: «Гороховский район. Есть ли бог? Женщины. Обструкция...»

В субботу клуб Гороховского райцентра был набит до отказа. В зрительном зале пестрели головные платки, стоял бабий гомон. За кулисами завклубом виновато говорил Сергею Сергеичу:

— Вы уж нас извините, конечно! У нас в районе старух больно

много. Профиль у нас птице-молочный: молоко, сметана, яички. Климат здоровый. Вот и живут старухи до ста лет. Никак мы этой лекции провести не можем. Не дают старухи лектору рта раскрыть. Приезжал один, настырный, так его, поверите, бракованными яичками от усов до штиблет закидали. Но вы не беспокойтесь. Если что, я сразу занавес дам. Комсомольский патруль двину.

— Ничего,— сказал Сергей Сергеич,— обойдемся без комсомольского патруля.

Он вышел на авансцену, улыбаясь оглядел зрителей и сказал:

— Гражданочки, у нас сегодня один вопрос: есть ли бог на земле? Зал настроенно притих.

— На этот вопрос я могу дать только один ответ: бога на земле нет!

В зале будто бомба взорвалась. Женщины повскакали с мест, кричали, размахивали руками.

Сергей Сергеич стоял на сцене, добродушно улыбаясь. Когда шум начал стихать, он сказал твердым голосом:

— Да, бога на земле нет, потому что он есть на небе.

В зале воцарилась зловещая тишина.

— Именно на небе,— подтвердил Сергей Сергеич.— Об этом ясно говорится как в Новом завете, так и в Ветхом. Правда, ни тот, ни другой не указывают точного адреса бога, что весьма затрудняет наше общение с ним. Небо, как известно, имеет площадь в сотни миллионов раз большую, чем земля, а мы с вами не знаем ни номера почтового отделения, ни улицы, ни даже дома, в котором находится божеская квартира. Чего же тут удивляться, если жалобы, адресуемые нами господу богу, остаются без ответа! На земле иной раз и улицу, и подъезд, и квартиру на конверте укажешь, и даже почтовый индекс — и то почта ухитряется заслать письмо неизвестно куда. Как же мы можем требовать, чтобы до бога доходили наши послания. А может быть, небесное министерство связи тоже установило почтовые ящики в подъездах. И неизвестные ангелы воруют письма вместе с газетами.

В зале послышались смешки.

С места поднялась дородная женщина.

— Ты чего нас путаешь! — зычно крикнула она.— Ты можешь прямо ответить: есть бог или нет?

— Могу! — сказал Сергей Сергеич.— Поскольку никто не в состоянии доказать, что бога нет, скорее всего он имеется.

В зале опять зашумели. Кто-то кому-то что-то доказывал, кто-то с кем-то о чем-то спорил. Сергей Сергеич, ухмыляясь, прохаживался по сцене. Когда спорщики утомились, он обратился к залу:

— Уважаемые граждане! Может, лучше будем высказываться по порядку? Кто хочет слова?

Вверх взмыли десятки рук. На сцену выползла старая бабка в капроновом платке. Отдышавшись, она сурово сказала:

— Чтой-то нас гражданин лектор путает. Как это так: бог есть, а адреса у его нету! Каждое создание должно гдей-то находиться. А ежели оно нигде не находится, значит, что его нет.

— Правильно! — закричали в зале.

— И зачем только к нам присылают таких лекторов, которые тянут нас обратно, к старому прошлому! — продолжала бабка. — Не для того наши внуки в университетах учатся, не для того мы в телевизоры футбол из заграничных городов смотрим! Ежели б бог имелся, мы бы его обязательно раз-другой в телевизор поймали. Когда космонавт Леонов единолично по небу плавал, его очень даже ясно видно было. А почему бога не видно? А?

Одна за другой на сцену стали подниматься женщины и на разные лады стыдили Сергея Сергеича за то, что он пытался их обмануть, доказывая, что бог есть. Когда страсти так разгорелись, что дело грозило дойти до бракованных яиц, завклубом поспешно дал занавес...

Через несколько дней в нашу организацию пришло благодарственное письмо из подшефного района. В нем сообщалось, что антирелигиозная лекция прошла на высоком уровне. Все старухи района единогласно постановили, что бога ни на земле, ни на небе нет.

— Как вам удалось втолковать это старухам? — с восхищением спросил второй заместитель у Сергея Сергеича.

— А я им этого не втолковывал. Напротив, я утверждал, что бог существует. Это они мне весь вечер доказывали, что я ошибаюсь. Второй заместитель развел руками.

— Но как вам удалось так изучить женскую натуру?

— Очень просто, — сказал Сергей Сергеич, — я двадцать три года женат.

ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

— Вы знаете, что такое теория относительности? — спросил Сергей Сергеич, и в глазах его заискрилась лукавинка.

Я знал, что первый помощник второго заместителя так просто вопросов не задает, и начал объяснять.

— Нет, нет, — остановил меня Сергей Сергеич, — это если рассматривать вопрос в строго научном аспекте. А если взять его в аспекте нашего учреждения.

— Не знаю, — признался я.

— А надо бы знать. Ибо теория эта может пригодиться и в вашей практике.

И он начал рассказывать.

Есть у Сергея Сергеича товарищ по работе, некий Кулябин. Хороший работник, честный. Такому Сергей Сергеич всегда охотно поможет.

На днях входит этот Кулябин к Сергею Сергеичу. Пиджак застегнут на пуговицу от сорочки, носки на ногах разного цвета: на правой — синий, на левой — красный, а сам он совершенно зеленый.

— Все кончено! — говорит он. — Захаркин сделает из меня котлету. У него не сходятся концы с концами, ему нужна жертва. Завтра на совещании меня будут прорабатывать. Резолюцию поручили Захаркину, Захаркин сделает из меня котлету.

Сергей Сергеич протянул ему стакан с кипяченой водой.

— Выпейте, успокойтесь, — сказал он и открыл блокнот. — Постарайтесь членораздельно изложить, что вам инкриминируют?

— Все инкриминируют. Что под видом командировки ездил в Одессу купаться в Черном море инкриминируют. Что на именины второго заместителя принес бутылку французского коньяка инкриминируют.

— Кто из нас без греха! — вздохнул Сергей Сергеич. — Что еще?

— Еще?! — рассердился Кулябин. — Неужели вам этого мало?

— Мне достаточно. Но для того, чтобы из вас не сделали котлету, этого мало.

Кулябин задумался. Глаза у него бегали.

— Нет! — наконец вымолвил он. — Больше ничего не вспомню.

— А как насчет морального разложения? В послерабочее время с машинисткой в кабинете директора записались?

— Вы с ума сошли! — затрепетал Кулябин. — Я семейный человек!

— Тем хуже для вас! — сухо сказал Сергей Сергеич. — Липовые ведомости мертвым душам подписывали?

— Это клевета! — завопил Кулябин.

— Клевета не клевета, а Захаркину будет интересно.

Сергей Сергеич захлопнул блокнот.

— Поезжайте домой, — сказал он, — примите на ночь снотворное, а я побегу к Захаркину, как бы не опоздать. До завтра!..

...Совещание подходило к концу, когда из дальнего угла кабинета поднялся Захаркин.

— Вот тут, пока шло обсуждение, я набросал проект резолюции, — сказал он, доставая из портфеля аккуратно сшитые листы, заполненные отпечатанным на машинке текстом. — Разрешите зачитать?

Захаркину разрешили. Кулябин сидел ни живой, ни мертвый.

— «Совещание отмечает, — начал читать Захаркин, — что в лице товарища Кулябина мы имеем полную потерю морального облика. Он позволяет себе купаться в Черном море по командировочному удостоверению нашей организации. Дальше, он позволяет себе приносить руководству французский коньяк, когда каждому ребенку известно, что в магазинах «Гастроном» полки ломаются от коньяка отечественного производства».

Кулябин в ужасе посмотрел на Сергея Сергеича.

«Кулябин бросает вызов всей общественности, запираясь наедине с секретарем-машинисткой в кабинете директора!..»

— О змея подколодная! — прошептал Кулябин, сверля ненавидящим взглядом Сергея Сергеича.

Захаркин продолжал на патетической ноте:

— «Втайне от коллектива Кулябин фабрикует фальшивые ведомости на выплату зарплаты непроверенным мертвым душам!»

— Не было этого! — слабо выкрикнул Кулябин.

С места поднялся Сергей Сергеич.

— Разрешите в порядке ведения! Вот справка нашего завхоза, — он положил на стол председательствующего бумажку за подписью и печатью, — удостоверяющая, что замок в двери директорского кабинета вообще не запирается, так как давно испорчен.

Захаркин заерзал на стуле.

— Вот справка планово-финансового отдела, — продолжал Сергей Сергеич, протянув бумагу председательствующему, — о том, что товарищ Кулябин к составлению платежных ведомостей в нашем учреждении никакого отношения не имеет. Что же касается остального, в резолюции товарища Захаркина все правильно.

— Что же правильно? — слышались голоса.

— Правильно, что товарищ Кулябин купался в Черном море. Вот выписка из Энциклопедического словаря, подтверждающая, что город Одесса стоит на Черном море. Находясь в командировке в Одессе, товарищ Кулябин ни в каком другом море купаться не мог. Правильно, что товарищ Кулябин принес на именины нашего уважаемого второго заместителя бутылку французского коньяка. Вот справка, подписанная товарищами, находившимися там. Коньяк был распит на месте без участия второго заместителя, так как он из всех напитков употребляет только «Экстру»...

Тут со всех сторон по адресу Захаркина посыпались нелестные замечания. Совещание единогласно признало, что обвинения, предъявленные Кулябину, необоснованны...

— Вот и вся история, — закончил свой рассказ Сергей Сергеич.

— Понятно! — сказал я. — Непонятно только одно: зачем вы рассказали Захаркину все то, чего в действительности не было? Ведь беднягу Кулябина мог инфаркт хватить.

— Инфаркт — это действительно... от него никто не гарантирован, — согласился Сергей Сергеич. — А только иначе ничего бы не получилось. Выйди Кулябин на совещание только с черноморским купанием и с французским коньяком, ему бы эти забавы боком выпали... А что такое Черное море по сравнению с машинисткой, что такое коньяк по сравнению с липовыми ведомостями? Тьфу? Ерунда! Отпала машинистка, отпали мертвые души, и Черное море с французским коньяком предстали в другом свете. Теория относительности!..

Я поблагодарил Сергея Сергеича за нравоучительную историю и решил взять его метод на вооружение.

Если меня за этот рассказ будут прорабатывать, если будут говорить, что он не проблемный, не жизненный, очень прошу, выступите и скажите, что рассказ этот не мой, что я его украл у Марка Твена и перепечатал на пишущей машинке, которую ночью уволок из редакции. Авось поможет...

МЕЖДУГОРОДНЫЙ РАЗГОВОР

Мы часто жалуемся на междугородных телефонисток: дескать, они обслуживают нас недостаточно культурно, могут отключить в середине важного служебного разговора с женой, находящейся на курорте, и таким образом оставить нас в полной неизвестности, приезжает ли жена поездом в пятницу или может нагряться самолетом через три часа.

Слов нет, культурно-воспитательная работа среди междугородных телефонисток еще оставляет желать лучшего. Но и у некоторых внутриведомственных секретарш по этой части примера заимствовать не стоит.

Вот, например, у нас в горсовете есть Агнеса Гавриловна. Лет ей не так чтобы много, но с хвостиком. Фигурой она женщина видная, как бывает при сидячем образе служебных занятий. Согласно штатному расписанию, она присматривает за тремя телефонными аппаратами: один — внутренний, второй — городской, третий — прямой, — и по всем трем можно разговаривать с председателем, то есть, наверно, можно было бы, если б не Агнеса Гавриловна. А скорее всего дело не в ней. Сиди на ее месте Вера Макеевна или, допустим, Алла Аполлоновна, ничего бы не изменилось. Потому что распорядок устанавливает «сам». А у «самого» дел, конечно, многовато, одних совещаний — полного служебного дня не напасешься. Без совещаний тоже нельзя, потому что тогда надо иметь собственное мнение. А если иметь собственное мнение по всем вопросам нашей кипучей жизни, из этого тоже может получиться конфуз. История такие случаи знает.

Между тем в нашем учреждении накопились вопросы к председателю горсовета: о жилом фонде для личного состава и о нежилых помещениях для новых отделов, которые после сокращения штатов выросли на 17,8 процента.

Второй заместитель, получивший указание проверить это дело, вызвал, как всегда в таких случаях, Сергея Сергеича.

Сергей Сергеич, как всегда в таких случаях, записал все в блокнот и повис на телефоне. Не прошло и получаса, как он услышал контрольную Агнесы Гавриловны:

— Аллоооо!..

Сергей Сергеич объяснил, что ему надо по важному вопросу переговорить с председателем.

Агнеса Гавриловна разъяснила, что председатель занят на совещании и когда освободится, неизвестно.

После этого Сергей Сергеич в течение недели по семи раз на день беседовал с Агнесой Гавриловной. И поскольку в неделе пять рабочих дней, а пятью семь тридцать пять, он именно столько раз услышал, что председатель занят на совещании и когда освободится, неизвестно.

Сергею Сергеичу начало казаться, что он беседует с магнитофоном, и он лично отправился в горсовет, чтобы выяснить, остается ли Агнеса Гавриловна по-прежнему женщиной выше средней упитанности или она уже «Электроника-300».

В приемной у председателя не было магнитофона, Агнеса Гавриловна вязала на спицах ярко-синее шерстяное платье, отрываясь от этого творческого занятия лишь для того, чтобы сообщить по телефону, что председатель занят и когда освободится, неизвестно.

Сергей Сергеич, как замороженный, следил за Агнесой Гавриловной, как вдруг один из телефонов затрезвонил с такой молодецкой силой, на которую это старое изобретение Белла способно только при действии междугородной станции.

— Аллооо! — оживилась Агнеса Гавриловна. — Откуда? Из области? Соединяю...

Сергей Сергеич вздохнул и удалился.

На следующий день Сергей Сергеич не явился на работу.

Товарищи забеспокоились.

— Никак, загрипповал, — вздохнула секретарь-машинистка.

Позвонили домой. Супруга ответила, что Сергея Сергеича нет дома.

Товарищи заволновались еще больше.

— Значит, не болен! — зашептала секретарь-машинистка. — Господи! Неужели прогул?

Прогулов за Сергеем Сергеичем не водилось. Такой поворот дела был весьма неожидан, и весь отдел загудел, как улей. Только главный бухгалтер сидел с каменным лицом и в обсуждении вопроса участия не принимал, словно ему что-то было известно.

На третий день Сергей Сергеич появился на работе. Поздоровался со всеми, будто ничего не случилось, и проследовал в кабинет ко второму заместителю. Там он доложил, что все вопросы с председателем горсовета утрясены. После телефонного разговора с Сергеем Сергеичем председатель лично его принял и наложил необходимые резолюции.

Вместе с письменным отчетом о проделанной работе первый помощник положил на стол второму заместителю заявление об оплате командировки в область. В графе «цель командировки» было указано: «Для телефонного разговора с горсоветом по интересующим нашу организацию вопросам».

КАК БОРОТЬСЯ С ШУМАМИ

Не так давно строители сдали в эксплуатацию новый дом. По масштабам нашего города дом-гигант: девять этажей! Из них восемь — жилые. Девятый, то есть это по счету девятый, а по положению первый — нежилой. Стекла в нем громадные, как витрины, изнутри замазаны белилами. Для какой цели это сделано, не знаю. Может быть, помещение предназначалось для бани или для столовой закрытого типа? Знаю только, что все жильцы давно в дом въехали, а первый этаж все еще пустовал.

Тут, само собой разумеется, стали поступать жалобы. Товарищи справедливо указывали, что ситуация ненормальная. Имеется отличное помещение, на него израсходованы капиталовложения, а никакой полезной отдачи обществу нет.

Одни предлагали поселить здесь «Гастроном», другие — сберкассу, третьи — мастерскую по ремонту изящной обуви. У кого к чему душа лежит.

Но упомянутые организации не откликнулись. Более того, стали всячески выкручиваться. Дескать, какое право мы имеем осваивать помещение, если это не предусмотрено планом. Помещение хорошее, нет слов, но если хватать все хорошее, что попадаетея под руки, плановое хозяйство может не выдержать.

Тогда стали искать, кому помещение запланировано. Таковых не обнаружили.

Пришлось пойти на компромисс. Одному предприятию местной промышленности по плану следовало организовать цех ширпотреба, а где его разместить, указано не было. Предприятие ухватилось за первый этаж, ну просто не оторвать. В один день ввезли оборудование, и работа закипела.

С неделю все шло нормально. А потом опять посыпались жалобы. Когда поток писем стал угрожать нормальной работе нашей организации, второй заместитель пригласил в кабинет своего первого помощника.

— Дорогой Сергей Сергееч! — сказал он, не в силах скрыть растерянности. — Что же это получается! Сперва товарищи жаловались на то, что помещение пустует. Мы пошли им навстречу. Теперь они недовольны, что помещение не пустует! Разберитесь и примите меры.

В цехе ширпотреба имелась какая-то неизвестная машина, которая вела себя безобразно. С восьми утра до четырех пополудни, с перерывом на обед, она нарушала постановление горисполкома «О мерах борьбы с производственными шумами». Визжала, верещала и даже завывала на манер «Скорой помощи». Вся эта звуковая палитра просачивалась по крупнопанельным стенам в квартиры и подавляла

все остальные шумы, включая актуальные радиопередачи и магнитофонные поп-записи.

Сергей Сергеич решил посетить цех ширпотреба. Начальник цеха, как только ознакомился с целью посещения, сразу же привел первого помощника к злонамеренной машине.

— Она! — сказал он упавшим голосом. — Ничего с нею поделать не можем. Приглашали представителей завода, ее создавшего, не приехали. Сообщили, что, если они по всем точкам будут представителей посылать, на заводе некому будет эти машины строить. Пробовали реконструировать своими силами, своих сил не хватило.

Сергей Сергеич осмотрел машину. Вид у нее был довольно невзрачный и размер невпечатляющий. С первого взгляда трудно было поверить, что это плугавое детище механизации в состоянии создавать такие разнообразные шумы.

— А кроме шума она что-нибудь производит? — поинтересовался Сергей Сергеич.

Оказывается, машина обрезала края у кожаных поясов.

— А вручную их нельзя обрезать? — спросил Сергей Сергеич.

— Как можно! — обиделся начальник цеха. — Мы только недавно механизировали этот процесс. Машина — друг человека! — И он поспешил переменить тему. — А вообще, — сказал он, — у нас производство приличное.

Действительно, все другие машины выполняли свою работу без показной шумихи, тихо и совестливо. Ширпотреб создавался в широком ассортименте. Но одна паршивая овца бросала тень на все стадо.

В расстроенных чувствах наш первый помощник покинул цех. Был обыкновенный день, из тех, когда без календаря невозможно определить, какое сейчас время года — весна, зима или осень. Сверху что-то капало, внизу что-то хлюпало, прохожие кашляли и чихали. Сергей Сергеич вышел черным ходом и очутился во дворе дома. Местные жители, не обращая внимания на шутки природы, под открытым небом забывали козла. Громовые раскаты сопровождались выкриками, звучавшими, как военный пароль: «Дубленка! Баян! Рыба!»

Сергей Сергеич посмотрел, послушал и вдруг хлопнул себя по лбу.

На следующий день во дворе дома появилось объявление. Цех ширпотреба приглашал пенсионеров на общественных началах присматривать за автоматической машиной. «Квалификация не требуется, предоставляется возможность для культурного отдыха. Совмещайте досуг с полезной деятельностью», — призывал красочный плакат. Откликнулись почти все пенсионеры дома. Их разместили за столиками, расставленными вокруг машины, и разрешили им заниматься своим любимым делом.

Пенсионеры принялись «забивать козла».

Столики из прессованной пластмассы отлично резонировали, но не могли подавить машину. Машина работала на полную звуковую мощность. Любителям козла пришлось поднапрячь мускулы и легкие, чтобы овладеть положением. Вскоре им это удалось.

С тех пор жильцы дома больше не жалуются на визг и завывание машины. Теперь они жалуются на стук костей и выкрики: «Дубленка! Баян! Рыба!»

Но это к нашей организации прямого отношения не имеет. Все жалобы мы стали переправлять строителям.

Инициатива Сергея Сергеевича отмечена в приказе.

Второй заместитель обещает распространить его опыт на другие объекты города. И пусть тогда строители попробуют утверждать, будто в природе не существует силы, которая способна подавить производственные шумы.

ГРАМОТНЫЙ МУЖИК

Когда на месткомке обсуждали перспективный план культурных мероприятий, кто-то заметил, что мы отстали по части юбилеев. У других уже по два-три юбилея отпраздновали, а у нас ни одного. Стали намечать кандидатуру. Все единогласно выдвинули второго заместителя. Он дольше всех проработал у нас в организации. Организации еще не было, а второй заместитель уже был.

Известие о предстоящем юбилее быстро облетело все два этажа нашего учреждения. У нас в отделе тоже стали судить да рядить, какой подарок преподнести юбиляру.

— А за что ему подарки делать? — неожиданно сказал плановик. — За Колобродова, что ли? Он от этого Колобродова без ума, пусть ему Колобродов и подарки преподносит.

— Я сам слышал, — вставил референт по общим вопросам, — как второй заместитель говорил Сергею Сергеевичу: «Вы хоть и мой первый помощник, а Колобродова не трогайте. Он грамотный мужик!»

Тут секретарь-машинистка, которой Колобродов обычно диктовал свои докладные записки, почему-то тяжело вздохнула.

— Грамотей! — воскликнул референт. — Стоит кому-нибудь из нас получить личное письмо на учрежденческий адрес, Колобродов тут как тут. Будто нечаянно вскрывает конверт...

— А попробуйте внести ценное предложение, — добавил молчаливый до того главбух, — Колобродов тут же внесет сомнение.

— Освободил бы нас второй заместитель от Колобродова, — резюмировал плановик, — я бы тогда десяти рублей не пожалел на подарок...

Мы все оценили щедрость плановика, хотя и понимали, что он ничем не рискует, так как второй заместитель Колобродова не уволит.

В это время дверь растворилась, и в комнату вошли Сергей Сергеич и Колобродов.

— Пожалуйста, пройдемте к моему столу, там у меня записан адрес этого магазина,— сказал Сергей Сергеич.

— Буду весьма вам обязан,— пробасил Колобродов.

Сергей Сергеич порылся в ящичке письменного стола, записал что-то на бумажке и передал Колобродову.

— Сделайте так, как я вам посоветовал, и все будет в порядке,— сказал он, провожая Колобродова до дверей.

Мы переглянулись. Сергей Сергеич посмотрел на нас пронизательным взглядом.

— Почему такой пессимизм в коллективе? — спросил он.

— Да мы тут Колобродова обсуждали,— проворчал плановик.

— И что постановили?

— Что он у нас сидит в печенках.

— Одна надежда на вас! — воскликнула секретарь-машинистка.

Мы знали, что Сергей Сергеич — человек чистой души и неуемной изобретательности. Нет таких бюрократических крепостей, которых не мог бы взять Сергей Сергеич. Мы обернулись к нему, но он уселся за свой стол молча, будто не о нем шла речь...

Юбилейный вечер состоялся в конференц-зале. За столом президиума сидело все начальство и с самого края — Колобродов. Хотя в президиум его никто не приглашал, попросить его оттуда никто не догадался.

Юбиляру зачитали поздравительный адрес. Все стали дружно хлопать. И тут неожиданно с места поднимается Колобродов, открывает портфель-чемодан, достает из него большую серебряную вазу из тех, что продаются в спортивных магазинах в качестве переходящих призов, затем подходит ко второму заместителю, ставит вазу перед ним на стол и говорит дрожащим от волнения голосом:

— Примите от моего личного чистого сердца.

Второй заместитель краснеет, президиум аплодирует, а мы все с недоумением оборачиваемся к Сергею Сергеичу, который сидит с такой невозмутимой загадочностью, что мы просто не знаем, что и подумать.

Между тем в президиуме происходит что-то непонятное. Сам управляющий берет в руки серебряную вазу и начинает читать выгравированную на ней надпись. По мере чтения лицо его расплывается в улыбку, потом он прыскает со смеху.

Тогда вазу берет в руки секретарь парткома и через полминуты чуть со стула не валится от хохота. Ваза переходит из рук в руки, и весь президиум начинает верещать на разные голоса.

Тут юбиляр, не понимая, что происходит, вырывает вазу из рук председателя месткома, водружает на нос очки...

Нет, он не смеется, он багровеет, он ищет глазами Колобродова, а Колобродов, скромно потупив взор, сидит с краю стола и, судя по всему, мечтает о повышении.

Юбилейный вечер прошел очень весело и непринужденно. Только юбиляр почему-то ушел раньше времени, сославшись на головную боль. Серебряную вазу он от расстройства забыл на столе президиума.

Едва окончилась официальная часть, мы окружили Сергея Сергеича и потребовали объяснений.

На первый взгляд дело обстояло весьма просто. Колобродов решил сделать юбиляру ценный подарок. За консультацией он обратился к Сергею Сергеичу. Тот, как бессменный первый помощник, несомненно, знал вкусы второго заместителя.

Сергей Сергеич порекомендовал купить серебряную вазу и выгравировать на ней трогательную надпись, что-нибудь в таком духе: «Дорогому юбиляру на память о сотруднике, растущем под его руководством».

Колобродов записал это в свой блокнот. Сергей Сергеич уголком глаза прочитал, что записал Колобродов, и дал ему еще один решающий совет:

— Для большей задушевности напишите это карандашом на вазе, и пусть надпись выгравируют прямо по вашему тексту. Получится очень эффектно: будто надпись выгравирована вашей рукой.

Тут мы начали кое-что понимать и бросились к столу, где стояла забытая ваза. Наискосок на ней было выгравировано почерком Колобродова:

«Дорогому юбиляру на память о сатрудинике, растущим под его рукавоцтвом. С уважением Калобродов»...

На другой день второй заместитель велел Сергею Сергеичу подготовить приказ об увольнении Колобродова по собственному желанию.

— Как! — удивился Сергей Сергеич. — Вы хотите уволить такого грамотного мужика?

— Безграмотная дубина! — закричал второй заместитель и в сердцах добавил: — Таковую вазу испортил!..

МЕРТВЫЙ ЯЗЫК

Город у нас небольшой. Одна главная улица, один кинотеатр, одна баня, одна прачечная, одна аптека и двадцать два учреждения: отдел благоустройства, отдел кинофикации, банно-прачечный трест, аптекоуправление... Учреждения ведут между собой переписку по деловым вопросам. Если самостоятельно не могут принять решение, обращаются в область.

Недавно нашей организации понадобились скрепки. Обыкновенные канцелярские скрепки, которыми соединяют разные бумаги, прежде чем отправить их по инстанциям. Управделами недогадал, и скрепки в учреждении кончились. Конечно, проще всего было послать тетю Дусю в писчебумажный магазин, поручив ей купить два десятка коробок, но это только на первый взгляд просто. В магазине продают за наличный расчет, а у нашей организации наличного расчета нет. У нас есть расчетный счет в банке, с которого мы можем производить безналичный расчет. А безналичный расчет магазин в счет не принимает.

Сергей Сергеич выслушал второго заместителя и, по обыкновению сказав «Будет сделано», принялся сочинять письмо в городской торг «Канцбумпринадлежности». Вкратце изложив суть дела, Сергей Сергеич просил отпустить нашему учреждению по безналичному расчету 20 (двадцать) коробок канцелярских скрепок. Затем тетя Дуся с письмом и разностной книгой отправилась по адресу.

Прошла неделя, прошла другая... У нас на письменных столах накопилось бог знает сколько документов. Отправлять их в разрозненном виде мы не могли, а скрепки, как я уже сказал, кончились.

Сергей Сергеич призадумался. Видимо, мера, принятая им, была недостаточно эффективной. Он написал второе письмо и, уже не доверив задание тете Дусе, лично отправил заказной пакет.

Прошла неделя, прошла другая... «Канцбумпринадлежности» молчали. Сергей Сергеич почувствовал, что, если он не предпримет чего-нибудь, эти проклятые скрепки нанесут его авторитету непоправимый урон. Весь день Сергей Сергеич ломал себе голову, и неудивительно, что в конце концов голова у него разболелась. По дороге домой первый помощник заглянул в аптеку. Старый провизор Матвей Аронович встретил его, как давнишнего друга. Сергея Сергеича в нашем городе многие знают, а Матвей Аронович начинал свою деятельность еще задолго до того, как в аптеках было введено культурное обслуживание, и потому любил поговорить с клиентом, прежде чем отпустить ему лекарство.

— Вот вы, Сергей Сергеич, жалуетесь, что у вас болит голова, — начал провизор, с отеческой заботливостью разглядывая посетителя поверх очков, — и просите, чтобы я дал вам лекарство «цито», то есть немедленно. Но ведь головная боль — это не болезнь, а проявление болезни. Дело в том, что вызвать головную боль могут самые различные причины: менингит, невроз, диабет, бруцеллез, гипертония, балантидиоз, асфиксия, анкилостомидоз и даже простейший описторхоз. И универсального лекарства здесь не подберешь. В одном случае рекомендуется пара-амино-бензол-сульфамидо-метил-пиримидин, в другом случае советуют адонизиум в соединении с натрий бромат и кодеин фосфорици, а в третьем и то и другое результат не даст и необходим трипротаминцинк-инсулиnum или даже обыкновенный

фасциолин гексахлорэтанум, который упаси боже вас перепутать с инсектицидом гексахлораном, что не унум эт идем, то есть не одно и то же...

Сергей Сергеич смотрел на провизора с чуть приоткрытым ртом и с выражением неприкрытого почитания. Пока Матвей Аронович сыпал латинскими выражениями и наименованиями, глаза Сергея Сергеича прояснились, морщины на лбу расправились. Должно быть, именно так выглядел Христофор Колумб за секунду до того, как раздался его радостный клич: «Земля!»

— Вот здорово! — перебил Сергей Сергеич провизора. — У меня даже голова перестала болеть. У вас по-латыни получается только на медицинские темы или на общегражданские тоже?

— Я окончил классическую гимназию, — несколько обиженно сказал провизор, — так что, как говорил Гораций: «Утиле дульци-мисцере», — могу смешивать приятное с полезным. Только к чему у в юности засорял мозги, не знаю. Ведь это же мертвый язык! Какая от него польза?

— Мертвый, говорите? А писать на этом мертвом вы тоже умеете?

— Верба волянт, скрипта манент — слова улетают, написанное остается.

— Стало быть, умеете? — Сергей Сергеич расплылся в широкой улыбке и неожиданно заключил старого провизора в объятия.

Спустя несколько дней второй заместитель вызвал к себе Сергея Сергеича.

— Только что звонили из «Канцбумпринадлежностей», — сказал он растерянно. — Оказывается, мы отправили им какое-то отношение на иностранном языке. За мою подпись! Вы не знаете, почему я подписал письмо на иностранном языке?

— Понятия не имею, — пожал плечами Сергей Сергеич.

— Будьте любезны, поезжайте туда и разберитесь на месте.

Сергей Сергеич отправился в «Канцбумпринадлежности». Управляющий торгом, несколько встревоженный, провел его к себе в кабинет и прикрыл поплотнее двери.

— Тут пришло письмо на бланке вашей организации, — сказал он многозначительно, — на каком-то иностранном языке. К кому мы ни обращались, перевести никто не может.

Сергей Сергеич небрежно взглянул на бумагу.

— Ничего удивительного, — сказал он, — никто и не переведет! Мертвый язык. Латынь.

— Странно, очень странно, — забеспокоился управляющий. — Что бы это могло означать? В нашем городе — и вдруг мертвый язык! Может быть, тут что-нибудь кроется? Как бы это перевести?

— Перевести можно, — спокойно сказал Сергей Сергеич, — только предварительно нужно уладить одно дело. Как говорится, услуга за услугу. Вы нам резолюцию, мы вам перевод. — При этом Сергей Сергеич достал из кармана отношение насчет скрепок.

— И это все? — удивился управляющий, быстро пробежав письмо. — Такая чепуховая просьба!.. — Он тут же наложил резолюцию: «Отпустить по безналичному расчету».

Сергей Сергеич сунул бумагу в карман и направился к выходу.

— Минуточку! — воскликнул управляющий. — Вы забыли перевести документ!

— А зачем его переводить, если вы уже наложили резолюцию на нашем письме? В документе, который у вас на столе, слово в слово то же самое, только по-латыни...

В тот же день мы получили требуемые скрепки, и жизнь учреждения вошла в нормальную колею.

Кому-нибудь может показаться, что в этой истории не все правдоподобно, и он пожелает узнать, в каком городе, в каких организациях все это произошло. Вот точный адрес: случиться это могло там, где одни начальники не читают того, что им пишут на русском языке, а другие начальники не читают того, что подписывают, даже если это по-латыни. Более точные сведения может сообщить наш городской аптекарь. Он утверждает, что именно по этому поводу Гораций сказал: «Мутато номинэ дэ тэ фабула нарратур», что в переводе с мертвого латинского на живой русский означает: «Если изменить имя, то сказка сказывается о тебе».

ЗАГАДОЧНАЯ ИСТОРИЯ

Аналогичная история произошла у нас спустя несколько месяцев. Только масштаб у нее был не внутригородской, а всесоюзный, и метод, примененный Сергеем Сергеичем, был соответственно более объемный.

Я, кажется, уже говорил о том, что город у нас небольшой и промышленность неяркая: ни блюмингов, ни шагающих экскаваторов мы не строим. Но это вовсе не значит, что наша продукция не имеет значения во всесоюзном масштабе. Вот, например, один из заводов нашего города выпускает кроватные сетки.

Разрешите заметить, что иронические улыбки на ваших лицах свидетельствуют лишь о непонимании всей важности вопроса. Вы можете улыбаться сколько угодно, а все же производство кроватных сеток от этого менее важным не станет. К сожалению, некоторые руководящие товарищи тоже улыбались, когда речь заходила о кроватных сетках. По этой причине и произошла вся эта загадочная история, которую смог распутать только Сергей Сергеич.

Прежде всего давайте представим себе, что произойдет, если из кроватных сеток будут торчать незаделанные концы спиралей или же сами сетки будут прогибаться наподобие гамаков. Ничего особенного, конечно, не произойдет, если не считать того, что качественных блюмингов и экскаваторов вы не получите. Если строители блюмингов

или экскаваторов придут на работу невыспавшимися, качественной продукции они дать не сумеют. Таким образом, наши сетки приобретают весьма существенный вес, и отмахиваться от них никому не рекомендуется.

Началось все с того, что мы отправили в центр заявку на проволоку. Нормальную заявку, без всяких излишеств, из расчета по 5 килограммов проволоки на одну кроватную сетку согласно технической норме.

Еще тогда секретарь-машинистка заметила, что на копии заявки Сергей Сергеич поставил сбоку красным карандашом цифру 347.

— Исходящий номер 22801, а не 347,— сказала секретарь-машинистка,— и он тут уже имеется.

— Да, да, знаю,— улыбнулся Сергей Сергеич, хотя свою цифру не зачеркнул.

Прошло две недели, но никакого ответа на наше письмо мы не получили.

Однажды, посмотрев на календарь, Сергей Сергеич подошел к секретарю-машинистке и попросил ее достать копию исходящего номера 22801. Взглянув на бумагу, он под цифрой 347 опять же красным карандашом написал цифру 345.

Секретарь-машинистка покраснела от любопытства, но ничего не сказала.

Однако спустя еще несколько дней, в течение которых мы никакого ответа из центра не получили, Сергей Сергеич снова вытребовал копию заявки и под двумя уже стоявшими там цифрами поставил новую — 201.

Видимо, вы сами догадались, что ответа на нашу заявку не поступило ни через две недели, ни через месяц. Но зато на копии появились еще три цифры, проставленные Сергеем Сергеичем: 207, 221 и 218.

Секретарь-машинистка почувствовала, что изнемогает от любопытства, и посветила нас в свою тайну.

На днях, когда Сергея Сергеича вызвал к себе второй заместитель, она извлекла на свет копию заявки, и мы все стали ее изучать.

— Похоже на пулю,— пробормотал председатель месткома, который из всех видов культмассовой работы признавал только преферанс.

— Что вы! — возмутился главный бухгалтер.— Сергей Сергеич картами не интересуется. Скорее всего, это остатки сумм личных сбережений.

— Обыкновенная шахматная задача,— авторитетно разъяснил плановик, чемпион по пинг-понгу в нашем учреждении.

Было высказано еще несколько интересных предположений, но тут растворилась дверь, и в комнату вошел Сергей Сергеич в сопровождении младшего референта по важным вопросам. Секретарь-маши-

нистка еле успела спрятать заявку в ящик стола, а мы все застыли в дурацких позах, как артисты из немой сцены «Ревизора».

— Будьте любезны, нашу заявку, — сказал Сергей Сергеич.

Секретарь-машинистка протянула бумагу.

Мы превратились в сплошной слух.

Из-за стола Сергея Сергеича до нас долетели отрывочные фразы.

— Вот примерная схема, — сказал Сергей Сергеич. — Действуя в соответствии с нею, вы сэкономите семь дней и 42 рубля.

— Что означает черная стрелка? — спросил младший референт.

— Предполагаемое направление.

— Понятно, а красные цифры?

— Координаты. Запишите: 347, 345, 201, 207, 221, 218. Вылетайте и держите меня в курсе телеграфно. Ни пуха ни пера.

Вряд ли нужно объяснять, до какой степени было накалено наше любопытство. Но, понимая, что дело идет о какой-то государственной тайне, мы молчали.

Через несколько дней секретарь-машинистка показала нам таинственную телеграмму, полученную на имя Сергея Сергеича. Ее содержание повергло нас в дрожь:

«22801 проследил по всем указанным вами координатам. Обнаружил на последнем этапе — 218. Кого надо взял за горло. Выбил 2,600 на единицу. Больше выбить не в силах. Что делать?»

Тут мы все поняли, что больше не в силах выносить эту страшную неизвестность. Воспитанные на детективных фильмах отечественной кинопромышленности, мы привыкли с первых кадров понимать, что будет дальше. А здесь что-то совсем из ряда вон выходящее.

Когда Сергей Сергеич прочитал телеграмму, он ударил кулаком по столу. В таком гневе мы еще никогда его не видели. Потом он продиктовал ответную депешу. Вот что она собой представляла:

«Выбивайте до конца. Меньше пяти не соглашайтесь. Пригрозите двести двадцать первому двести седьмым, двести седьмому двести первым. Контактуйте с двести восемнадцатым и триста сорок пятым. Будьте мужественны. Результаты телеграфьте. Необходимости вылетчу добивать».

Целую неделю мы ходили как во сне. От младшего референта не было ни слуху ни духу. Уж не погиб ли он в неравной схватке с таинственными трехзначными? Мы с надеждой поглядывали на Сергея Сергеича: может быть, он хоть чем-то выдаст себя. Увы, он был непроницаем. И чем больше мы волновались, тем спокойнее был он.

В субботу перед концом рабочего дня, собираясь домой, он небрежно спросил у секретаря-машинистки:

— Телеграммы мне нету?

— Нету, Сергей Сергеич! — страдальчески вздохнула она.

Но тут Сергей Сергеич поступил совсем непонятно. Он радостно потер руки и воскликнул:

— Молодец парень, вот увидите, он их добьет!

— Но ведь молчит же!— не выдержала секретарь-машинистка.— Может, ему нужна помощь...

— Если молчит, значит, помощь не нужна,— сказал Сергей Сергеич.

Наконец в понедельник от младшего референта пришла телеграмма. Сергей Сергеич лично ее распечатал и залился счастливым смехом.

— Послушайте,— воскликнул он,— что я говорил!— И он прочитал, не прочитал, а продекламировал: «Ура, пять в кармане. Вылетаю утром. Целую Сергея Сергеича».

Не успели мы вникнуть в смысл этого не совсем служебного текста, как дверь нашей комнаты запахнулась, и мы увидели младшего референта. Все-таки авиация иногда совершает истинные чудеса. Пока на главном почтамте занимались сортировкой телеграмм, пассажирский самолет успел перебросить нашего младшего референта из центра в родной город, и теперь он стоял перед нами живой. И первое, что он сделал, исполнил наяву то, о чем писал в телеграмме: расцеловал Сергея Сергеича на глазах у всех нас.

Потом он достал из кармана какую-то бумажку, и тут загадочная история начала понемногу проясняться. Оказывается, трехзначные цифры обозначали номера комнат в учреждении, в котором находилась наша заявка. Следуя указанной Сергеем Сергеичем схеме, младший референт проследил все прохождение документа и таким образом сумел добиться выделения нам проволоки в требуемом количестве, а именно из расчета 5 килограммов на каждую кроватную сетку.

Единственно, что оставалось для нас неясным, каким образом Сергей Сергеич, находясь на расстоянии тысячи километров от центра, точно узнал, по каким комнатам бродит наша бумага.

Сергей Сергеич даже удивился нашей недогадливости.

— Вот телефонный справочник этого учреждения,— сказал он, доставая из письменного стола маленькую книжечку,— я его привез еще в прошлом году, когда ездил в командировку. Здесь все комнаты обозначены номерами. Комната 347 — общий отдел, 345 — секретариат, 201 — председатель, 207 — первый заместитель, 221 — второй заместитель и 218 — первый помощник второго заместителя.

— Но каким образом вы определили точное прохождение нашей заявки?— воскликнула секретарь-машинистка.

Сергей Сергеич посмотрел на нее с оттенком жалости.

— Ну это уж совсем просто,— сказал он,— я взял за основу нашу собственную схему: каждая бумага у нас попадает сперва в общий отдел, потом в секретариат, потом к председателю, от него с резолюцией к первому заместителю, от первого заместителя ко второму, а уж второй заместитель направляет бумагу своему первому помощнику для принятия мер.

Мы разошлись по своим местам несколько разочарованные. Оказывается, во всей этой истории не было ничего загадочного.

ИСТОРИЯ С ФИЛОСОФИЕЙ

Вы, наверно, помните, что Сергей Сергееч недавно был в отпуске. Ремонтировался в санатории, что недалеко от города. Возвратился довольный, посвежевший и сразу же с новыми силами окунулся в работу.

Он уже успел выполнить несколько ответственных поручений второго заместителя и стал забывать о разных там электрокардиограммах, душах Шарко, исследованиях желудочного сока и прочих процедурах, которыми врачи украшают отдых трудящихся.

Но вот на днях, когда мы в обеденный перерыв закусывали в кафе «Восторг», к нашему столику подошел неизвестный молодой человек и, пристально взглянув на Сергея Сергееча, спросил:

— Вы знаете, что такое электрокардиограф?

Мы быстро переглянулись. Дело в том, что у нас в городе имеется один неменяемый. Он свихнулся на почве кроссвордов. Никто из нас его никогда не видел, но рассказывали, что бедняга в минуты душевного волнения пристаёт к прохожим и спрашивает о значении заковыристых слов, которые иногда сами собой возникают при решении кроссвордов.

Сергей Сергееч сочувственно улыбнулся и стал объяснять жертве занимательных развлечений, что электрокардиограф — слово, состоящее из семнадцати букв, и означает оно аппарат, фиксирующий работу человеческого сердца.

Молодой человек внимательно выслушал, потом почесал у себя за ухом.

— Так. Все правильно. Вы знаете, что такое электрокардиограф. В таком случае пройдемте со мной.

Поведение неменяемого становилось опасным для общества. Нам пришлось принять меры. Мы обступили Сергея Сергееча тесным кольцом, а секретарь-машинистка побежала звонить в скорую психиатрическую помощь.

Но молодой человек вынул из кармана удостоверение, и мы сразу поняли свою ошибку. Молодой человек интересовался электрокардиографами не на почве кроссвордов, а на почве охраны государственного имущества. Товарищ оказался из местной милиции.

Мы, конечно, перед ним извинились, действительно получилось неудобно: человек при исполнении служебных обязанностей, а его принимают за внештатного неменяемого.

Сергею Сергеечу пришлось проследовать в милицию.

Вы не представляете себе, как мы волновались за нашего любимого первого помощника. Мы были на сто процентов уверены, что он не

виноват. Всем коллективом мы сочинили ему блестящую характеристику, и сам второй заместитель первым ее подписал, добавив от себя, что без Сергея Сергееча наша организация как без рук.

Впрочем, все кончилось благополучно. Через два часа Сергей Сергееч вернулся как ни в чем не бывало, улыбающийся, румянощекий. Он показался нам еще более симпатичным и незаменимым.

— Все в порядке, — пояснил он в ответ на наши недоуменные вопросы. — В санатории пропал электрокардиограф. Милиция обязана его найти.

— Но при чем тут вы? — в один голос возмутилась вся комната.

— Лично я тут ни при чем. Но ведь кто-то же этот электрокардиограф слямзил! Вот милиция и расследует.

— Что же они, всех отдыхающих допрашивают? — удивились мы.

— Нет, только тех, у кого есть высшее образование. Дело в том, что начальник отделения милиции придерживается индуктивного метода расследования. Он идет от частных случаев к общему выводу. Замечено, что граждане, не являющиеся профессиональными преступниками, обычно не присваивают предметов, значения которых они не знают. Исходя из этих частных случаев начальник отделения приходит к общему выводу, что граждан, не знающих назначения электрокардиографа, допрашивать бессмысленно.

Тут мы стали хором высказывать нелестные замечания по адресу наших районных шерлокхолмсов, но Сергей Сергееч нас остановил.

— Милиция поступила правильно, — сказал он. — Допрашивать всех отдохавших в санатории было бы и хлопотно и небезопасно. Отдельные граждане без высшего образования могли такое загнать по этому поводу!.. Но электрокардиограф пропал. Милиция обязана его отыскать. Правда, о методах поиска у меня с начальником отделения произошел теоретический спор. Лично я рекомендовал ему метод не индуктивный, а дедуктивный, то есть...

Но здесь в дверь комнаты просунулась голова курьерши. Второй заместитель просил Сергея Сергееча срочно зайти к нему. Когда дверь за Сергеечем закрылась, мы стали судить да рядить. И хотя главный бухгалтер объяснил нам, что дедукция — это метод умозаключения, идущий в обратном направлении, то есть от общих суждений к отдельным фактам, уяснить мысль Сергея Сергееча нам не удалось ни дедуктивным методом, ни индуктивным.

Часа через два раздался телефонный звонок из милиции. Начальник отделения попросил передать Сергею Сергеечу благодарность в связи с раскрытием преступления. Электрокардиограф был обнаружен в чулане санатория, куда новая уборщица поставила его рядом с электропылесосом и электрополотером. Мы все бросились на поиски Сергея Сергееча и нашли его в буфете.

— Я очень рад, — сказал он, допивая кофе. — Видимо, я был

прав. Исходя из общего суждения о том, что люди присваивают лишь те предметы, назначение которых им известно, я пришел к частному выводу, что гражданин, знающий назначение электрокардиографа, не станет его присваивать. Следовательно, в данном частном случае надо было искать гражданина не знающего. Таким образом выяснилось, что электрокардиограф вообще не был украден. Новая уборщица приняла его за обычный электробытовой прибор и поставила на соответственное место.

— И все это благодаря вам!— в экстазе воскликнула секретарь-машинистка.

— Не совсем,— поправил Сергей Сергееч.— Скорее благодаря товарищу Фридриху Энгельсу. Это он указывал, что в логике не следует отдавать предпочтение ни индуктивному методу, ни дедуктивному, а нужно применять каждый из них в свое время.

Мы разошлись по рабочим местам, чувствуя, как каждый из нас стал на голову выше благодаря общению с Сергеем Сергеечем.

ДРУГ ЧЕЛОВЕКА

Кузьма Ерофеич запил! Это известие потрясло всех, кто его знал...

Наш город богат достопримечательностями, но наибольший интерес представляет ресторан «Друг человека». Кормят в нем, как в люксе, а цены, как во втором разряде.

Такое противоестественное явление не могло не привлечь внимания. Уже несколько раз приезжали к нам комиссии из области, чтобы выявить, в чем тут жульничество. И каждый раз уезжали ни с чем. Просто потому, что в этом ресторане нет никакого жульничества. Здесь есть Кузьма Ерофеич. Шеф-повар. Неудержимой фантазии человек. Жюль Верн общественного питания. И в нем все дело.

Не всегда база обеспечивает ресторан требуемым ассортиментом продуктов. Бывает, что вместо телятины завезут старого вола, отчисленного из совхозного гужевого транспорта по причине полной профнепригодности. Бывает, что вместо паровых цыплят забросят грузовую автомашину мороженых гусей третьей категории, от одного вида которых у всего персонала делается гусиная кожа. Потребитель ничего этого и не заметит. В руках Кузьмы Ерофеича гужевой вол превращается в нежнейшие валованы, а из мороженых гусей получают незабываемые цыплята-табака.

Искусство Кузьмы Ерофеича приобрело широкую огласку, как вдруг колесо фортуны забуксовало...

Месяца два назад коллектив ресторана «Друг человека» решил включить в месячник по борьбе с алкоголизмом. Инициативу проявил Кузьма Ерофеич. Здесь надо подчеркнуть, что сам он человек непьющий. Не такой непьющий, как некоторые другие граждане

нашего города, что на работе капли в рот не берут, а дома напиваются, как свиньи. Кузьма Ерофеич не пьет ни на работе, ни дома. Настоящее чудо двадцатого века. Ему нетрудно было проявить инициативу.

Директор ресторана, напротив, отнесся к предложению с опаской.

— Хорошая мысль, — сказал он недовольно, — но вредная. Интересно, как это ресторан может включиться в борьбу с алкоголизмом.

— Еще чего выдумал! — закричал буфетчик Яковлев, который только недавно приступил к постройке собственной дачи. — В ресторане спиртной напиток — это не алкоголь, а средство для выполнения плана.

— Действительно, — подтвердил главный бухгалтер, — планом предусмотрена ежемесячная реализация определенной емкости спиртных напитков. Куда мы их денем?

Однако Кузьма Ерофеич не отступился. Оказывается, мероприятие у него было продумано и разработано. Городские организации поддержали известного шеф-повара, и первого числа у дверей ресторана появился плакат:

«Дирекция «Друга человека» уведомляет посетителей, что с сего дня спиртные напитки подаваться не будут».

Через пять дней буфетчик Яковлев перевелся на работу в ресторан железнодорожной станции, где без ста граммов ни один проезжий потребитель не в состоянии был проглотить котлеты местной продукции. А еще через две недели из ресторана «Друг человека» поступили тревожные сигналы: шеф-повар, незапятнанный Кузьма Ерофеич, замечен на работе в нетрезвом виде.

Сообщение это звучало неправдоподобно, но в наш век научно-фантастических полетов люди уже ничему не удивляются.

Сергей Сергееч прибыл на место происшествия. Из первых же бесед с персоналом он выяснил, что факт имеет место. Обращали внимание следующие подробности: в начале рабочего дня Кузьма Ерофеич бывал как стеклышко, к концу — как стелька.

Трудности никогда не останавливали Сергея Сергееча. Точно зная, что люди обычно запивают либо от горя, либо от радости, Сергей Сергееч посетил квартиру шеф-повара. Супруга обстоятельно ответила на все вопросы:

— Нет, никакого горя в семье, слава богу, не имеется. Дети, слава богу, учатся на пятерки. Бабушка и дедушка, слава богу, получили отдельную квартиру и переехали. Свояченица, слава богу, перестала молиться богу. А что Кузьма Ерофеич в последнее время приходит с работы выпивший, так какой же мужчина не выпивает, особенно если он работник общественного питания?

Убедившись в полном благополучии этой передовой семьи, Сергей Сергееч решил расследовать, нет ли у шеф-повара каких-нибудь радостей. Для этой цели он отправился в местный комитет ресторана.

Председатель месткома гардеробщик Переполохин также ответил на все вопросы:

— Как же, есть радости! План мы регулярно выполняем на 104 процента. Хотя, с другой стороны, запланировано 99 процентов, так что премия, сам понимаешь, не радость, от нее не запьешь. Опять же, коллективу удалось установить, что автор прошлогоднего анонимного письма на цех холодных закусок — Гаврюшина. Хотя, с другой стороны, при писании письма она пользовалась левой рукой, так что, сам понимаешь, снять ее с работы не удалось, радоваться нечему...

Сергей Сергеич почувствовал себя разбитым и голодным. Он занял место в дальнем уголке ресторана и стал дожидаться официанта. Здесь надо еще раз отметить, что хотя цены в ресторане калькулировались по второму разряду, официанты были воспитаны, как в люксе. Таким образом, у Сергея Сергеича оказалось достаточно времени, чтобы изучить меню.

Каких только блюд здесь не было! У самого сытого человека могло засосать под ложечкой.

«Палтус в белом вине.
Бульон с вином и гренками.
Филе трески, соус мадера,
Колбаса, тушенная в пиве,
Яблоко в красном вине,
Груша в хересе,
Тефтели в шампанском,
Баба ромовая,
Суфле сюрприз с коньяком...»

Внезапно Сергей Сергеич вскочил с места и бросился на кухню.

Кузьма Ерофевич как раз работал над созданием рыбных кнелей в белом вине. Шеф-повар лично пробовал все ингредиенты блюда. Отмерив в пробирочке сто граммов белого вина, он тяжело вздохнул и отхлебнул глоток для пробы...

На следующее утро Сергей Сергеич докладывал начальству о результатах обследования ресторана «Друг человека».

— Понятно, — сказал второй заместитель, внимательно все выслушав, — стало быть, известный своим искусством и добросовестностью шеф-повар снимает пробу с каждого подаваемого на стол блюда. А чем вы объясните, что в каждое блюдо идут крепкие напитки?

— Так ведь в этом и состоит суть предложения, — объяснил Сергей Сергеич. — Ресторану запланирована определенная емкость спиртных напитков, а шеф-повар обратил их на производство изысканных блюд.

По предложению Сергея Сергеевича испытание блюд было разложено на весь поварской персонал, по сортам вин. На каждую персону за рабочий день приходилось не более ста граммов слабоалкогольных напитков. К концу работы все были ни в одном глазу.

А Кузьма Ерофеевич освободился от непосильной нагрузки и достиг в своей продукции небывалых вкусовых высот.

МУЗЫКА

Чем старше становятся люди, тем меньше времени у них впереди и тем больше времени сегодня.

И заполнить сегодняшнее время чем-нибудь путным удастся не каждому.

Конечно, можно «забывать козла». Занятие это только по названию зверское. На деле — довольно невинное. Но не безопасное. Если долго им увлекаться, можно потерять уважение к собственной личности.

Наше производственное объединение существует полвека. И само собой разумеется, с течением времени пенсионеров у нас накопилось — девять некуда. Если бы их всех допустить к козлозабыванию, они бы своими децибелами современные жилые корпуса в полчаса развалили.

В профкоме придумали отвлекающий маневр. В Доме культуры отвели подходящее помещение, поставили книжные шкафы с литературой по разным отраслям знаний, повесили табличку: «Зал пенсионеров».

Поначалу мероприятие себя оправдало. Старички приходили сюда, здоровались, рассаживались в креслах, обсуждали международное положение. Однако интереса к литературе по разным отраслям знаний не проявляли. Говорили, не охота каждый раз бегать за комендантом, который ключи от книжных шкафов никому не доверял.

Через некоторое время появились тревожные симптомы: из пенсионерского зала стал доноситься какой-то стук.

Тут уж за комендантом бежать не пришлось. Он сам прибежал, дожевывая сосиску.

«То ли шкафы взламывают, — объяснил он жене, — то ли затеяли самовольную перестройку помещения...»

Прибежал весь в пару, осмотрелся, действительно забивают... «козла» забивают, ненаглядные!

— Что вы, туды-растуды, делаете! — по-культурному обратился комендант к пенсионерам. — У нас, туды-растуды, Дом культуры, а не двор жилаквива! Вам, туды-растуды, средства отпустили, литературу накупили, а вы, туды-растуды, опять за свое...

И побежал жаловаться.

На другой день прибыл представитель из Объединения. Сергей Сергеич — первый помощник второго заместителя.

Сергей Сергеич по своему обыкновению сперва наведалься в отдел кадров, поинтересовался личными делами пенсионеров, а уж потом отправился к ним на съедение.

Старички чинно ожидали его в своем зале.

— Что такое музыка? — спросил Сергей Сергеич, не дав старичкам забросать себя вопросами. — Музыка — это искусство, способное отражать в звуках переживания, чувства и идеи.

Старички сочувственно закивали головами.

— Вам это объяснять не приходится, — продолжал Сергей Сергеич. — По моим сведениям, семеро из вас во время войны играли в полковых оркестрах. Остальные тоже фронтовики, и почти каждый второй музыкант-любитель. Вот... — он ткнул пальцем в блокнот, — пять человек играют на баянах, трое на балалайках, четырнадцать на гитарах... Значит, мы на верном пути. Договоримся с филармонией. Там имеются свои пенсионеры, профессиональные музыканты, тоже бывшие фронтовики. При их соучастии мы создадим объединенный оркестр и хор. Кто за? Кто против? Кто воздержался? Предложение принято единогласно!..

Не прошло и трех месяцев, как у подъезда нашего Дома культуры появился рисованный плакат:

«В воскресенье состоится первый концерт Объединенного производственно-филармонического балалаечно-симфонического оркестра и хора. Концерт транслируется по телевидению».

Не знаю, какое желание в человеке сильнее — посмотреть других или показать себя, но у нас в Производственном объединении внезапно обнаружилась тьма-тьмуца меломанов. Все билеты были проданы сразу.

Сказать по правде, концерт в то воскресенье по телевидению не транслировался. Его лишь сняли на пленку, чтобы в следующее воскресенье показать телезрителям. И это было очень хорошо.

Дело в том, что во время концерта произошло нечто непредвиденное. При просмотре пленки симфония сопровождалась каким-то звоном, не предусмотренным партитурой. Звон то утихал, то усиливался, то перекатывался волнами.

Узнав об этом происшествии, второй заместитель не лишился дара речи лишь потому, что таким даром не обладал. Но он немедленно принял решение бросить на прорыв своего первого помощника.

Сергей Сергеич отправился в телестудию. Ему показали видеofilm концерта.

— Прекрасно! Замечательно! — воскликнул он, когда концерт кончился. — Вдохновляющее зрелище.

— Но чегой-то звенит, — развел руками режиссер, — а чего — неизвестно.

— Не волнуйтесь, — мягко сказал Сергей Сергеич, — это звон не посторонний. Будем считать вашу съемку пробной. В ближайшее воскресенье повторим концерт. И можете давать прямую трансляцию, согласно объявленной программе. Ответственность я беру на себя...

На другой день у подъезда Дома культуры появилось большое объявление о том, что концерт, который по техническим причинам накануне не транслировался, будет в ближайшее воскресенье повторен и показан по телевидению.

А за кулисами Дома к такому же объявлению большими буквами было добавлено:

«Просьба ко всем музыкантам, хористам и обслуживающему персоналу в день концерта вместо орденов и медалей надеть наградные колодки».

ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Как-то у нас зашел разговор о вечном движении: может ли оно существовать в природе и в каком виде? Председатель месткома, недавно возвратившийся из туристской поездки вокруг Европы, блеснул эрудицией:

— Я был в одном музее, сейчас не припомню, в какой стране, так там выставлены разные аппараты вечного движения. Нам объясняли, что все это липа.

Мы согласились, так как знали об этом еще до поездки председателя месткома вокруг Европы. Но неожиданно для всех Сергей Сергеич покачал головой.

— Ерунда! — сказал он. — Просто за это дело принимались недостаточно сообразительные люди.

Услышать такое от первого помощника второго заместителя, который на весь город славится трезвостью мыслей!.. Тут был какой-то подвох. Мы окружили Сергея Сергеича и приготовились слушать.

— Я имею точные сведения, — продолжал он, — что на одном металлургическом заводе вечное движение открыто, существует и крутится на полный ход.

Председатель месткома, почуяв, что его туристскому авторитету наносится удар, обиженно заморгал глазами и ехидно спросил:

— Интересно, как это происходит?

— Открытие было сделано на базе металлолома, — начал Сергей Сергеич и внезапно осекся.

В комнату вошел директор одного из местных заводов. Он только что получил нагоняй за невыполнение плана по сдаче металлолома.

Услышав слова Сергея Сергеича, он насторожился.

— Этот завод регулярно и раньше всех сдает металлолом,— продолжал Сергей Сергеич, покосившись в сторону директора.

— Каким образом? — любопытствовал тот.

— Дело в том, что завод этот металлургический. Он получает металлолом для переплавки. Однако завод имеет и свой план сдачи металлолома. Чтобы сэкономить время и средства, здесь отделяют часть прибывшего металлолома и сдают его в счет собственного плана. В следующем месяце этот лом возвращается на завод для переплавки. Завод опять сдает его на базу. Так один и тот же металл безостановочно движется туда и обратно, и обе стороны — завод и база — выполняют свой план. И вечное движение налицо.

Мы были так удивлены, что не знали, как реагировать, а директор местного завода стал что-то лихорадочно записывать в блокнот. Потом он поспешно удалился.

— Ну, теперь и этот директор выйдет на первое место по металлолomu,— сказал главный бухгалтер.

— Боюсь, что с вечным движением у него ничего не получится,— возразил Сергей Сергеич.— Металла для переплавки ему не дадут. Завод у него кожевенный.

Однако Сергей Сергеич ошибся.

Через несколько дней второй заместитель вызвал его к себе.

— Вот! — торжествующе сказал он.— Удар по маловеерам! Кожевенники рапортуют о полном благополучии. Кажется, швейники собирались жаловаться на нас в газету: мол, мы спускаем им завышенный план, который они не в состоянии выполнить. Надо будет удвоить им задание. Пусть поучатся у кожевенников. А опыт кожевенного завода изучить, перенять и распространить.

Сергей Сергеич отправился на завод.

Металлолома для переплавки кожевенному заводу действительно не дали, но план по сдаче металлолома завод выполнил.

Директор загадочно улыбался.

Сергей Сергеич прошел по цехам. Поговорил с народом. Народ пожимал плечами. Народ понимал, что на подметках металлолома не скопишь. Народ не понимал, зачем от кожевенников требуют столько же металлолома, сколько от металлургов. Сергей Сергеич этого тоже не понимал. Но второй заместитель не понимал, почему другие этого не понимают.

К себе на работу Сергей Сергеич возвратился несолоно хлебавши: он так и не узнал, каким образом кожевенникам удалось выполнить план. Однако Сергей Сергеич не такой человек, чтобы останавливаться на полпути. И он решил пойти дальше...

На следующий день первый помощник подготовил, а второй заместитель подписал распоряжение детяслям № 13: «Под личную ответственность заведующей сдать к такому-то числу такое-то количество металлического лома».

Сергей Сергеич стал с нетерпением ожидать грандиозного скандала. Но заведующая яслями избегала скандала с начальством. Через три дня дetyасли № 13 рапортовали о выполнении задания.

Сергей Сергеич кинулся по свежему следу. Выйдя из автобуса у здания детских яслей, он услышал многоголосый рев младенцев, доносившийся из всех окон.

— В чем дело? — спросил он у первой встретившейся ему няни. — По какому поводу дети бунтуют?

— Они не бунтуют. Они просятся на горшочки.

— Так в чем же дело? Почему не удовлетворят их законного желания?

— Не на что сажать! — объяснила няня. — Все горшочки сдали вместо металлолома.

Сергей Сергеич от души рассмеялся и тут же помчался на кожевенный завод.

Директор не стал упираться. Едва Сергей Сергеич спросил его, куда девались детские горшочки, директор сразу сообразил, что первый помощник второго заместителя имеет в виду три новые ванны, что были изъяты из заводского профилактория, разбиты и отправлены на базу металлолома.

Как вы понимаете, этот опыт кожевенников Сергей Сергеич не стал распространять. Но его мероприятие принесло пользу. Было еще раз доказано, что никакого вечного движения не существует. Существуют очковитиратели двух категорий: одни, вроде нашего второго заместителя, требуют невозможного, а другие, вроде директора местного кожевенного завода, невозможное «выполняют». Но это движение далеко не вечно.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧАСТЕЙ

В нашем городе решили открыть вытрезвитель. Не то чтобы процент алкоголиков за последнее время катастрофически вырос, а просто так, для престижа.

В других городах вытрезвители имеются, а у нас ничего похожего! Ликеро-водочный завод в городе есть, а вытрезвителя нет!

На заседании, где обсуждался этот вопрос, кто-то возразил, что вытрезвитель нам ни к чему, так как город у нас небольшой, процент пьющего населения некатастрофический, ликеро-водочная продукция в городе почти не оседает, командированные заезжают редко...

Товарищу авторитетно разъяснили, что подобные ликвидаторские настроения задерживают развитие города. Будет вытрезвитель, будут и командированные...

Одним словом, решение приняли.

Поначалу Сергей Сергеич предложил устроить вытрезвитель в пожарной команде. Вода здесь всегда под боком, а для вытрезвления захмелевших граждан холодный душ, как известно, самое верное средство.

Запротестовали пожарники.

Они доказали с цифрами в руках, что если наплыв командированных увеличится и вытрезвитель станет работать с перевыполнением плана, воды в насосах может не хватить для тушения огня, что поставит под угрозу противопожарную безопасность города.

Это был серьезный довод, Сергею Сергеичу пришлось отступить.

Тут ему подвернулась еще одна идея. В нашем городе замечательный собачий питомник. У нас издавна разводят породистых собак для охотничьих и всяких других надобностей. Собаки резвятся в загородке под открытым небом, а отличные помещения между тем пустуют. Вот на них и нацелился Сергей Сергеич.

Эта идея показалась приемлемой. Однако не успели обсудить, как пришло анонимное письмо. Автор утверждал, что собаки как таковые не суть важно, породистые или дворняжки, к пьяным относятся неодобрительно. Нет лучшего развлечения для непьющей собаки, как хватануть зубами пьющего человека. Отсюда следует, что гуманистические цели, преследуемые принудительным вытрезвлением, могут быть в корне извращены собачьей сворой, которая как пить дать станет рвать на части каждого вытрезвляемого.

Поместить вытрезвитель в собачий питомник не удалось.

История эта уже начинала угрожать авторитету первого помощника второго заместителя. Шныряя по городу в поисках подходящей базы, Сергей Сергеич набрел на пустующий склад. Находился он при ликеро-водочном заводе. Быстро оборачивающаяся заводская продукция не залеживалась на складе, и помещение это было всегда свободным.

Сергей Сергеич ухватился за него, как утопающий за соломинку.

Дирекция завода сперва запротестовала, но, взглянув на дело трезво, поддержала предложение.

Вытрезвитель был оборудован в винном складе. С тех пор обе соседствующие организации стали взаимно помогать друг другу в выполнении и перевыполнении плана. Ликеро-водочный завод поставляет потребителей вытрезвителю, а вытрезвитель, возвращая потребителей в строй, поставляет их ликеро-водочному заводу. Производство алкоголя и ликвидация его последствий протекают точным методом под одной крышей.

Население города от этого только выиграло. Никакой стоящий алкоголик не в состоянии вырваться из заколдованного круга. Оседая на оси «завод — вытрезвитель», пьяницы, как местные, так и заезжие, совсем перестали появляться на улицах.

С ПОМОЩЬЮ НЕПТУНА

Недавно один знакомый сделал мне замечание:

— Вот уж который раз вы рассказываете нам о Сергее Сергеиче, а между тем что мы знаем о вашем герое? Ну знаем, что он занимает пост первого помощника второго заместителя. Разве этого достаточно? Живой человек, кроме должности, должен иметь глаза, уши, нос и прочие человеческие недостатки. Я почувствовал себя как хозяйственник, уличенный в выпуске некомплектной продукции, и решил при первой возможности выправить положение, причем без всяких приписок.

Итак, Сергей Сергеич — лысоватый блондин среднего роста, с некоторой склонностью к полноте. У него круглое, как пишут в таких случаях, открытое лицо (хотя закрытые лица бывают только у женщин в странах порабоженного Востока); у него симпатичный нос — вы правильно догадались — пуговкой и голубые глаза — вот именно, — безмятежно смотрящие на мир.

Одет он всегда тщательно и в меру модно. По чести говоря, разительных недостатков я в нем не заметил, но так как мне точно известно, что положительных героев без недостатков не бывает, я готов признаться: у Сергея Сергеича имеются недостатки — он любит полосатые галстуки и рыбалку. Собственно, не столько рыбалку, сколько уху из рыбы. Последний недостаток особенно заметен, потому что водоемов у нас нет и на рыбалку ездить некуда, а в магазинах свежая рыба всегда в недостатке. Это и привело к ненормальному положению, когда даже первый помощник второго заместителя стал в тупик.

Обычно люди стараются скрывать свои слабости от окружающих. Сергей Сергеич никогда ничего от товарищей не скрывал. Так что о его недостатках знали все. И вот результат: однажды он попал в весьма щекотливое положение. Дело было в разгар лета. Из соседнего города к нам приехал толкач: выбивать какую-то продукцию, которую выпускали на предприятии, подведомственном как раз нашей организации. Продукцию ему надо было заполучить на три месяца раньше запланированного срока, что, конечно, было незаконно. Вот как-то подходит он к Сергею Сергеичу и говорит, улыбаясь как можно более приветливо:

— Имеются сведения, что вы любите ущицу из свежей рыбы.

— Люблю! — вздыхает Сергей Сергеич. — Но где ее возьмешь?

— Ваше желание для нас закон, — говорит толкач и улыбается просто-таки сердечно. — Добудем вам рыбки. С помощью Нептуна. Приглашаю вас в воскресенье на культвылазку в открытое море.

— Это на какое же море? — удивляется Сергей Сергеич. — В нашей местности даже искусственного не предвидится.

— Зато у нас оно самое что ни есть настоящее.

— Так от нас до вас 200 километров.

— Правильно. Сегодня пятница. Завтра суббота. В 6.00 жду вас у подъезда вашего учреждения. Транспорт наш, идеи ваши. В воскресенье вечером будете доставлены обратно тем же манером.

В субботу в 6.00 Сергей Сергеич прибыл к указанному подъезду. Может быть, он не должен был этого делать, но ведь не всякий умеет бороться со своими слабостями!

Оглядевшись в бледном свете утренней зари, он понял, что подавлять свои слабости не умел не он один. В микроавтобусе сидели уже девять рыболовов-энтузиастов, от которых так или иначе зависело внеочередное поступление продукции. Микроавтобус рванул с места, и окрестные собаки дружным лаем откликнулись на хоровое исполнение популярной песни: «Ведь ты моряк, Мишка...»

Когда спустя несколько часов пути микроавтобус прикатил к морскому причалу, Сергей Сергеич понял, что предприимчивый толкач не имел намерения прибегать к помощи бога морей Нептуна.

«Нептун» был рядовым моторным рейдовым катером. Правда, команда при нем состояла нерядовая. Командовал кораблем начальник портового флота, у штурвала стоял лично сам товарищ толкач, некоторым должностным лицам из нашего учреждения доверили готовить сети, а у мотора орудовал — ну, как вы думаете, кто? — сам непосредственный начальник Сергея Сергеича — второй заместитель!

— Сергей Сергеич! — сразу же распорядился он. — Примите меры к своевременному заведению моторной группы.

Первый помощник, конечно же, принял меры, благо он в юности баловался мотоциклетным спортом и не в пример второму заместителю мог отличить сцепление от зажигания.

Катер вышел в открытое море. Здесь обнаружилось, что на борту находятся еще несколько лиц, которые хотя и не проходили по номенклатуре нашей организации, но зато бойко орудовали сетями.

Вечером судно возвращалось в порт, до краев набитое разноплеменной рыбой. Подзагоревшие и отдохнувшие руководящие товарищи с удовольствием исполняли разные морские и речные песни, а когда в виде премии за хорошее пение каждый получил по ведру с рыбой, восторг не было предела. На долю Сергея Сергеича досталось ведро, в котором плавали живые окуни и задыхался здоровенная горбуша.

Сергей Сергеич поел рыбы вдоволь. Утешил свою страсть.

Рыболовы переночевали в отведенном для них общежитии, а на следующее утро микроавтобус опять транспортировал их к ожидавшему у причала «Нептуну».

После второй культвылазки в душу Сергея Сергеича закралось подозрение относительно чистоты происхождения всех этих окуней, семг и беленгас.

Возвратившись к себе домой, он поставил на стол счеты и застучал костяшками. Баланс получался странный. Ну сколько рыбы мог съесть за неделю сам Сергей Сергеич? Пять-шесть килограммов. Сколько рыбы может уничтожить за этот же срок второй заместитель? Десять — двенадцать килограммов. Сколько рыбы съедят за отчетный период все участники экспедиции? Не больше ста килограммов. Не акулы же! А куда девалась остальная рыба? Ведь «Нептун» доставил на берег не меньше пяти центнеров, и весь улов заботливый толкач перебрал в наш город.

И тут вспомнил Сергей Сергеич, как его теща рассказывала за обедом, что на базаре появилась свежая рыба, правда, дорогая — по пяти рублей за килограмм.

На следующее утро Сергей Сергеич побежал на рынок. Боже ж ты мой! Скольких знакомых он там повстречал! Вот горбуша, вот кета, беленгаса, а вот и окуни всех форматов. Им бы радовать собою персонал рыбосольных и рыбоконсервных заводов, а они плещутся в ведерках, принадлежащих разным непроверенным личностям.

У Сергея Сергеича мелькнула страшная мысль: «Браконьеры!» Он хотел тут же кинуться в милицию, но вдруг застыл на месте. Ему припомнилась пренеприятная подробность его собственной биографии: ведь он лично участвовал в лове данной рыбы! Правда, сам сети не заводил и не вытаскивал, но морские песни пел. И, между прочим, не только он!.. Вместе с ним на «Нептуне» находились начальник портового флота, толкач из соседнего города, несколько средних и мелких должностных лиц из нашей организации и даже сам непосредственный начальник Сергея Сергеича — второй заместитель!

Не знаю, приходилось ли вам попадать в такое положение, но за Сергея Сергеича ручаюсь: с ним ничего подобного раньше не случилось.

Нужно было немедленно принять меры, а принять мер он не мог. Ликвидация пережитков в нашем сознании еще не достигла таких вершин, чтобы человек сам против себя принимал меры.

Другой человек, возможно, стал бы писать заявление на всех участников культвылазки, выгораживая лично себя, но Сергей Сергеич был не такой человек. Он вообще никогда не сваливал на других свои ошибки. Хотя бывало, что другие сваливали свои ошибки на него

Спустя некоторое время в соответствующие органы пришло анонимное письмо. Некто, скрывшийся под псевдонимом «Нептун», сообщал, что всем известный первый помощник второго заместителя совершил в субботу и в воскресенье морские культвылазки в соседний город на предмет самоснабжения контрабандной рыбой, каковую затем распродал через сомнительных типов на местном рынке.

Вообще-то у нас нет уважения к анонимным письмам, но так как все письма регистрируются, приходится и этим давать ход.

Колесо правосудия завертелось. Вызвали Сергея Сергеича, и он сознался. И, конечно, назвал все фамилии.

Следствие установило, что ни сам Сергей Сергеич, ни второй заместитель, ни средние и мелкие должностные лица браконьерством не занимались, а о рыночных операциях с рыбой и понятия не имели. Этим делом заправлял «толкач». Поскольку наш второй заместитель через своего первого помощника отказал ему в незаконной просьбе, он и придумал всю эту петрушку. Пригласил наших работников на морскую «культвылазку». Расчет был с психологией: втянуть товарищей в темное дельце, сделать их вроде как бы соучастниками, мол, приобщился к рыночной операции с незаконной рыбой, так никуда не денешься, проведешь и незаконную операцию с деталями. Только ничего у него не вышло. Благодаря Сергею Сергеичу. Ибо автором анонимного письма за подписью «Нептун», в котором сообщалось о подсудных действиях Сергея Сергеича, был не кто иной, как сам Сергей Сергеич.

«Экскурсантов» пропесочили, предупредили по партийной линии, чтобы на будущее не теряли бдительности, глядели, кому служат ширмой, и отпустили к исполнению служебных обязанностей. А толкача и его рыночных подручных посадили на скамью подсудимых.

С тех пор Сергей Сергеич избавился от одной из своих слабостей: о рыбалке не думает, на уху не клюет. Когда его спрашивают, как это ему удалось, он многозначительно отвечает:

— С помощью Нептуна.

ТОВАРИЩ ФЕОФАНОВ

Товарищ Феофанов заведовал у нас в городке банно-прачечным предприятием. На этом посту он горел уже три месяца, а горячей воды в бане все еще не было. Температура воды в прачечной тоже была не на высоте.

На товарища Феофанова стали поступать жалобы. Население было им недовольно. В горисполкоме решили обсудить вопрос о товарище Феофанове. В общественном порядке поручили подработать материал Сергею Сергеичу.

Сергей Сергеич взял материалы в отделе кадров. Изучив их со всей ответственностью, он узнал, что товарищ Феофанов — человек с крепким прошлым. Свою деятельность он начал учеником токаря на местном механическом производстве. Прилежно учился два года, но токарем не стал. Как раз в это время происходил набор молодежи на рабфак. Кандидатура Феофанова прошла единогласно. Он прилежно посещал рабфак два года и, наверно, его бы окончил, но в это время как

раз было решено укрепить слушательский состав областных курсов бухгалтеров-экономистов. Кандидатура товарища Феофанова прошла единогласно. Товарищ Феофанов прилежно стучал на счетах целых два года, но бухгалтером не стал. Как раз пришла разрядка выделить единицу на областные курсы по повышению квалификации. На курсах выяснилось, что товарищу Феофанову по линии квалификации повышать нечего. Его отчислили обратно в распоряжение направившей организации.

Здесь к тому времени сменился начальник отдела кадров. Новый начальник внимательно прочитал анкету товарища Феофанова. В графе «Образование» было сказано:

1. Ученик токаря на мех. производстве.
2. Рабфак.
3. Курсы бухгалтеров-экономистов.
4. Областные курсы по повышению квалификации...»

«Ученый парень», — подумал о товарище Феофанове начальник отдела кадров. И решил подобрать ему работу в соответствии.

Товарищ Феофанов получил назначение в ремесленное училище директором.

Не прошло и года, как в училище под его руководством стало происходить что-то странное. Кипы тетрадей лежали на складе нетронутыми, а учащиеся писали на стенах. Верстаки и станки пылились в классах, а учащиеся поднимали пыль во дворе футбольным мячом.

В заинтересованных организациях обсудили вопрос и пришли к выводу, что у товарища Феофанова нет педагогического таланта. Воспитывать молодое поколение — это не его призвание.

Как раз в это время проштрафился директор местного кинотеатра. Он недобрал шестьдесят процентов годового финансового плана. Может быть, он и не совсем был виноват в этом, но так как директора киностудий, выпускавших художественные фильмы, не проходили по номенклатуре нашего города, с работы сняли его.

Решили назначить директором кино товарища Феофанова.

Новый заведующий сразу раскумекал, за что был снят его предшественник, и принял соответствующие меры.

В целях упорядочения сборов он приказал вывешивать у кассы плакат: «Детям до шестнадцати лет фильм смотреть воспрещается». Плакат вывешивали вне зависимости от того, что шло на экране.

Само собой разумеется, сборы в кинотеатре сразу улучшились. Было даже невозможно достать билеты. Но стали поступать жалобы. Граждане, не достигшие шестнадцатилетнего возраста, требовали призвать к порядку распоясавшегося делягу. Они заявляли, что запретные фильмы могут смотреть даже грудные дети без всякого урона для своего морального облика. Некоторые особенно энергичные молодые люди требовали деньги обратно.

Заинтересованные организации указали товарищу Феофанову на недопустимость его методов, плакат у кассы был уничтожен, сборы в кинотеатре пришли в исходное положение, и через год товарища Феофанова освободили от работы как не обеспечившего финансовый план.

Тут-то он и попал в банно-прачечное предприятие, в результате чего Сергею Сергеичу пришлось изучать его биографию.

Сергей Сергеич встал перед трудной задачей. С одной стороны, товарища Феофанова надо снимать с работы. А с другой стороны, за что снимать человека? Работал он честно. Не воровал, под видом командировок на курорты не ездил. Ну, правда, не справлялся с возложенными на него обязанностями, так с кем этого не бывает! По такой ерундовой причине никакой местком не позволит снять человека с работы. Другое дело, если перевести его на новое место.

Стал Сергей Сергеич размышлять, на какую работу бросить товарища Феофанова. Чтобы, ежели он и с этой работой не справится, ни у кого не осталось сомнений, что его надо не переводить, а снимать.

Надо прямо сказать, что Сергей Сергеич не зря занимал пост первого помощника второго заместителя. Он это доказывал не раз.

Сергей Сергеич подыскал товарищу Феофанову подходящую должность: ему доверили городскую ассенизацию.

Через месяц не только рядовое население, но даже руководящие организации города стали писать жалобы и протесты. Поговаривали, что городу грозит потоп.

Пришлось созвать внеочередное заседание горисполкома. В повестке дня стоял вопрос о товарище Феофанове. Приняли решение освободить его от работы и направить на учебу. Между прочим, это было очень мудрое решение. Ведь все беды товарища Феофанова происходили именно оттого, что ему не дали доучиться.

ПЛОДЫ ВОСПИТАНИЯ

Недалеке от нашего города есть молочная ферма. Вот уже несколько лет она успешно снабжает население города. Однако в последнее время молока стало не хватать. Не то чтобы удойность коров снизилась или поголовье сократилось, просто граждане стали потреблять больше молочных продуктов.

Руководство фермы решило закупить новую партию коров. Предварительно выстроили помещение, отвечающее всем требованиям современного коровьего быта.

Вскоре новые коровы прибыли на место. Их вымыли, вычистили, привесили к шеям бирки с указанием анкетных данных: мол, кличка — Кармен, лет — четыре, порода — «симменталь», место рождения — такое-то...

Засыпали в кормушку первосортный корм, но коровы есть не стали. Животноводы всполошились. Понюхали корм, попробовали его на вкус, единогласно решили, что корм отличный. У любой самой взыскательной коровы от одного его запаха должны течь слюнки.

Слюнки у коров действительно текли, но корм они не ели. Глаза у них стали грустные, ноги в коленках согнулись.

На ферме поднялся переполох. Первой забила тревогу бухгалтерия.

— За два дня коровы потеряли десять процентов чистого веса! — шумел главный бухгалтер. — Две тонны — это не фунт изюму. Кто мне вернет этот вес? Куда я спишу этот вес? Это вам не мыло, чтобы его списывать на усушку! Это вам не перловка, чтобы ее списывать на утруску!..

Дело дошло до районных властей. Завфермой, вызванный в райисполком, во всем искренне признался. Со слезами на глазах он просил воздействовать на коров.

Разобраться в вопросе поручили Сергею Сергеичу.

Сергей Сергеич отправился на молочную ферму. Осмотрел новый коровник, пощупал кормушки, понюхал корм, попробовал его на вкус. Лицо его было мрачнее тучи. Грузными шагами он мерил коровник туда и обратно, и все руководство фермы с надеждой плелось за ним.

И вдруг его лицо прояснилось. Он увидел бирки, привешенные к шеям коров. Внимательно прочитав все, что там было написано, Сергей Сергеич спросил:

— Корм откуда брали?

— Сами заготавливаем, — поспешил объяснить завфермой. — Иногда чужими кормами не пользуемся. Первосортный корм.

— Вижу, — перебил Сергей Сергеич. — Только для этих коров дело не в сорте. Получите по разнарядке концентраты с государственной базы, и ваши коровы встанут на ноги.

Так и сделали. Получили по разнарядке корм с базы, и коровы стали уминать его за обе щеки.

Коров со временем перевоспитали, теперь они уже охотно едят корма местного производства и постепенно отвыкают от государственных. Авторитет Сергея Сергеича в кругах наших животноводов сильно вырос. Но вас, вероятно, интересует, как Сергей Сергеич догадался, чем именно любят полакомиться данные коровы? Никакого отгадывания мыслей на расстоянии тут нет. Просто Сергей Сергеич — человек культурный. Он регулярно читает газеты и потому в курсе событий. На бирках, привешенных к шеям коров, среди прочих биографических сведений было указано: «Прежнее место жительства — совхоз «Возрождение». А в этом совхозе свои корма никогда не заготавливали, всегда надеялись на казенные...

МОДА Н-СКОГО ГОДА

Второй заместитель умиленно посмотрел на своего первого помощника.

— Дорогой Сергей Сергеич, — сказал он, — вам предстоит решить нелегкую задачу. Но именно потому, что она нелегкая, мы ее поручаем вам. Легкую мы как-нибудь и сами решим. На фабрике «Женская мода» из рук вон плохо с реализацией готовой продукции. Поезжайте туда, поговорите с народом, примите меры. Эта «Женская мода» портит нам картину. Из-за нее статистика не может свести дебет с кредитом.

Предупрежденный неизвестным доброжелателем, директор фабрики созвал экстренное совещание руководителей всех цехов.

Сергей Сергеич тихонько вошел в директорский кабинет, стараясь делать вид, что он здесь не присутствует, а директор продолжал речь, делая вид, что он Сергея Сергеича не видит.

— Сегодня я прогулялся по цехам нашего предприятия, — с нотками возмущения говорил директор, поглядывая в наклонное стенное зеркало, где во весь рост отражалась фигура первого помощника. — И что же я там обнаружил? Никакой изволнованности. Полная самоуспокоенность общественных организаций. И это в то время, когда склады нашей фабрики буквально ломаются от модной продукции, которую мы не можем реализовать вот уж какой год.

— Потребитель стал много из себя понимать! — выкрикнул с места мастер цеха закроя легкого женского платья. — От крепдешина нос воротит. Воланы ему не к лицу! Наши бабки в таких воланах, может, призы на конкурсах красоты завоевывали, а ему не к лицу!

— Правильно! — зашумели со всех сторон. — Мы не должны идти на поводу! Мы наши модели не тяп-ляп делали!

Директор с трудом восстановил порядок и потребовал выступать по существу. Когда же он снова заглянул в стенное зеркало, отражения Сергея Сергеича там уже не оказалось.

Сергей Сергеич незаметно выскользнул из директорского кабинета. Обойдя фабричные цеха, он посетил плановый и производственный отделы и закончил свой обход в складе готовой продукции. Там его и настиг директор фабрики. Сергей Сергеич рассматривал цветное крепдешинное платье с высокой талией и шикарными буфами на плечах. Он держал его двумя пальцами, как нашкодившего котенка.

— Вот эти образцы запакуйте и пришлите нам, — сказал Сергей Сергеич и удалился, оставив директора в неизвестности, ждать ли ему строгого выговора или перевода на руководящую работу в центр.

Лучшие образцы всех моделей фабрики были отправлены в управление, и на этом вроде бы все закончилось. «Женская мода» по-прежнему заполняла продукцией собственные склады, торговые пред-

приятия по-прежнему от этой продукции отворачивались. Второй заместитель начал уже косо поглядывать на своего первого помощника, а тот продолжал исполнять служебные обязанности как ни в чем не бывало.

И только на днях в местной газете появилось сообщение, всполошившее весь город. Оказывается, на международном конкурсе мод на острове Святой Елены платье нашей городской «Женской моды» получили специальный приз «за перспективность и взгляд в будущее». А одна западная торговая фирма поспешила закупить всю готовую продукцию фабрики.

Когда в складах «Женской моды» образовалась давно желанная пустота, второй заместитель премировал Сергея Сергеевича.

Лично вручая ему путевку в Сочи, он попросил своего первого помощника поделиться опытом.

— Как вы пришли к мысли, что и лежалый товар может быть предметом экспорта? — спросил он.

— Это не моя идея, — с присущей ему скромностью ответил Сергей Сергеевич. — Я лишь использовал опыт некоторых зарубежных фирм, торгующих с нами.

— А чем вы руководствовались, отправляя на конкурс изделия именно «Женской моды»?

— Ознакомившись с историей фабрики, я выяснил, что была она открыта тридцать лет назад. Уже тогда фабрика стала выпускать модную продукцию и с тех пор в фасонах своих платьев ничего не изменила.

— Мать моя родная! — в ужасе воскликнул второй заместитель. — Значит, эти фасоны тридцатилетней давности!

— Вот именно.

— Как же вы рискнули отправить их на международный конкурс?

— Так ведь женская мода имеет тенденцию возвращаться именно каждые тридцать лет.

— Bravo! Bravo! — не удержался от восторга второй заместитель. — Ну, а как мы поступим с директором «Женской моды»?

— Освободим его от работы.

— Что?! — воскликнул второй заместитель. — Вы хотите снять с работы человека, чью продукцию реализовали на международном рынке?

— Да, — вздохнул Сергей Сергеевич. — Вряд ли имеет смысл ожидать этого еще тридцать лет.

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Анна Степановна плохо разбиралась в достижениях современной науки. Детство и отрочество не дали ей надлежащей подготовки к восприятию сложных научных основ, поэтому она путала нейтроны

с нейлоном и в простоте душевной была уверена, что цикламен и циклотрон — это одно и то же.

Однако, считая себя женщиной высшего круга, она жадно рвалась к изысканной терминологии. На этой почве у нее возникали постоянные затруднения. В отеле она требовала «фешембельную комнату», в кругу подруг хвалилась, что завод, подчиненный организации, где работает ее муж, производит станки с точностью до одного «микроба», а когда однажды врач порекомендовал ей принимать чехословацкое лекарство «ацидоген», Анна Степановна купила в аптекарском киоске ацетон и только благодаря бдительности Сергея Сергеевича осталась на этом свете.

Однажды, убирая со стола посуду, Анна Степановна спросила у мужа:

— Сереженька, это что за штука, цепная реакция? Сегодня с утра о ней бубнят по радио, а я что-то не возьму в толк.

Сергей Сергеевич вздрогнул, как человек, почувявший неожиданную опасность. По многолетнему опыту он знал: если жена о чем-нибудь спрашивает, надо немедленно дать ей исчерпывающее разъяснение, в противном случае она внесет в вопрос свое толкование, а потом отправится втолковывать это всем соседкам по дому.

— Что это ты, Аннушка, такими вопросами интересуешься? — торопливо спросил он.

— Ну как же! Говорят, что эта реакция будто в коровьем молоке задерживается. Стало быть, что-то по хозяйственной части. Должна же я знать!

— Цепная реакция, — начал Сергей Сергеевич, — это свойство нейтронов, выделяемых при распадении атома, в свою очередь, выделять новые нейтроны, которые также вызывают деления новых ядер.

Анна Степановна старательно слушала. По злорадному выражению ее лица можно было догадаться, что она завтра же победоносно бабахнет вновь приобретенным нейтроновым зарядом по всем подружкам и соседкам.

— Ты погоди, не спеши! — попросил Сергей Сергеевич. — Ты сперва постарайся понять. Одни нейтроны вызывают появление других нейтронов, как по цепочке. Понятно?

— Нет, — решительно сказала Анна Степановна.

Сергей Сергеевич в отчаянии огляделся по сторонам, словно надеясь найти на книжных полках или на письменном столе популярное руководство, как объяснять особам слабого пола тайны ядерной физики.

Не было такого руководства. Сергей Сергеевич, незаменимый первый помощник второго заместителя, столько раз выручавший из труднейших положений наше учреждение, напрасно шарил глазами. На книжных полках стояли только полные собрания сочинений разных

классиков, а на письменном столе лежал лист бумаги, на котором цыплячьим почерком жены были нацарапаны какие-то фамилии. Сергей Сергеич от отчаяния заглянул в эту бумагу, и лицо его расплылось в счастливой улыбке.

— Сергей Сергеич, примите меры!— сказал он себе тоном второго заместителя и обернулся к супруге.— Позже я тебе, Аннушка, все объясню, а пока давай займемся делом. Я вижу, ты уже набросала проект. Давай покумекаем вместе. Сколько гостей мы можем поместить за столом, чтобы люди не тыкали вилками в тарелки соседей?

— Шестнадцать.

— Цифра вполне подходящая. Кого же ты собираешься позвать на именины?

— Катеньку с мужем в первую очередь,— моментально включилась Анна Степановна.

«Быстровы — 2 чел.»,— записал Сергей Сергеич и задумался.— Позвать Быстровых и не позвать Агаджановых — скандала не оберешься. Они друг без друга никуда не ходят.

— Еще бы! Весь город знает, что у Быстрова с женой Агаджанова...

— Аннушка!— укоризненно остановил жену Сергей Сергеич.

— Уж и правду нельзя сказать! Будь я на месте Катеньки...

— Тогда придется звать и Агаджановых.— Сергей Сергеич записал: «Агаджановы — 2 чел.»... Почесал лысеющее темя и добавил:— Тогда надо звать и Кропоткиных. Иначе наживешь врагов на всю жизнь.

— Кропоткиных — через мой труп!— воскликнула Анна Степановна.— Она поддевает на вилку сервелат колбасного сорта и говорит: «Где вы брали такую вкусную отдельную колбасу?»

— Агаджанов и Кропоткин занимают одинаковые должности в двух управлениях,— запротестовал Сергей Сергеич.— Пригласить одного и не пригласить другого — это скандал почти государственного масштаба. Есть один выход: не покупать в этот день сервелата.

И Сергей Сергеич записал: «Кропоткины — 2 чел.»

— Тогда уж пиши Бердянских с Каракульчаком,— вздохнула Анна Степановна.— Где Кропоткины, там и Бердянские, а где Бердянские, там и Каракульчак. С тех пор, как от этого Каракульчака ушла жена, Бердянские всюду таскают его за собой, чтобы он не запил с горя, и вместе напиваются на радостях, что удалось отвлечь его от выпивки.

Сергей Сергеич записал: «Бердянские — Каракульчак — 3 чел.»

— Четыре,— поправила Анна Степановна.— Где Каракульчак, там нельзя без Лидии Викторовны. Она почти его невеста.

— Ты с ума сошла!— вскричал Сергей Сергеич.— Лидия Викторовна — родная сестра Караваева из управления. Хорош я буду, когда на следующее утро он меня спросит: «Ну, как вчера праздновали?» Он это воспримет как подкоп под его авторитет.

— Тогда придется позвать и Караваева, — рассудила Анна Степановна.

Сергей Сергеич записал: «Караваевы — 2 чел.», — на миг задумался и быстро добавил: «Сергиенко — 2 чел.».

— Это еще что за Сергиенко? — рассердилась жена.

— Начальник управления. Караваев — его заместитель. Как же можно заместителя звать, а начальника — нет?

— Подсчитай, что у нас получилось?

Сергей Сергеич подбил итог.

— Все! — воскликнул он. — Лимит исчерпан. Вместе с нами ровно шестнадцать человек.

Анна Степановна всплеснула руками.

— Шестнадцать человек! А мы еще никого не позвали!

Супруги склонились над списком.

— Никого не выбросишь, — безнадежно произнесла Анна Степановна, — один за другого цепляется. — И вдруг добавила: — Настоящая цепная реакция.

— Что? Что? — переспросил Сергей Сергеич.

— Цепная реакция. Точь-в-точь, как ты объяснял: одни нейлоны тянут за собой другие, те, в свою очередь, третьи...

Лицо Сергея Сергеича просветлело.

— К черту цепную реакцию! — весело воскликнул он. — От нее только загрязнение атмосферы!

И, разорвав намеченный список, Сергей Сергеич стал составлять новый, основанный на принципе бескорыстной дружбы.

ПРАВДА В ГЛАЗА

Вчера в обеденный перерыв мы остались в учреждении. Дело в том, что кафе «Восторг», которое находится напротив нашего здания, закрылось на ремонт, а до ближайшего ресторана пять трамвайных остановок. Так что мы остались на своих рабочих местах. Разложили на столах бумажные салфетки, достали из портфелей кулечки с едой.

Стали разговаривать о том о сем, больше о том, чем о сем.

— Безобразие! — сказал главный бухгалтер. — В учреждении сто двадцать служащих, а не то что столовую — просто буфет не могут организовать.

— Наверное, нет средств, — заметила секретарь-машинистка.

— Ерунда! Средства имеются! — авторитетно разъяснил главный бухгалтер. — Только они находятся в замороженном состоянии. Просто тот, кому надлежит об этом беспокоиться, не желает палец о палец ударить.

— А кто этот «тот»? — поинтересовались мы.

Главбух почему-то оглянулся и понизил голос:

— Второй заместитель. Сам каждый день ездит обедать домой на казенной машине, ему столовая в учреждении не нужна.

— Эгоист! — воскликнула секретарь-машинистка.

— А когда я ему намекнул на то, что пора замороженные средства разморозить, — продолжал главбух обиженно, — так он мне сказал, чтобы я не лез не в свои дела.

— Хам! — возмутилась секретарь-машинистка.

Мы все включились в беседу. Каждый из нас вспомнил какой-нибудь случай, когда второй заместитель проявил нечуткость к сотрудникам, к их личным делам, к их общественным интересам. К концу обеденного перерыва мы все сошлись во мнении, что наш второй заместитель — типичный бурбон.

— Ах, если бы можно было все это сказать ему в глаза! — мечтательно произнесла секретарь-машинистка.

— Что именно? — послышался голос из дальнего угла комнаты.

Мы все оглянулись. Это был Сергей Сергеич. Как ни в чем не бывало он сидел за своим столом и закусывал. И, конечно, все слышал.

— Так что же именно вы хотели сказать в глаза нашему второму заместителю? — вторично спросил Сергей Сергеич.

— Хотя бы только три слова, — откликнулся главбух, — только три слова, но каждое из них — правда.

— Какие же это три слова?

— Эгоист, хам, бурбон.

— Об этом нечего и думать, — вздохнул плановик. — Человек, который скажет подобное нашему второму заместителю, тут же вылетит из учреждения со скоростью космического корабля.

— Я думаю, что ваши опасения преувеличены, — сказал Сергей Сергеич. — Если общественность считает, что пришло время сказать правду в глаза, я могу это устроить.

— Ой, пожалуйста! — воскликнула секретарь-машинистка с острой эмоциональностью, свойственной женщинам вышесреднего возраста.

— Ну что же! Придется выделить представителя.

Мы все замолчали.

— Не можем же мы правду в глаза сказать все вместе, хором. Так в жизни не бывает. Надо выделить представителя, он и скажет правду от имени всего коллектива.

— Что касается меня — благодарю покорно! — сказал главный бухгалтер. — У меня трое детей, жена и теща.

— А я должен вот-вот получить квартиру, — подхватил плановик.

— Я готова! — самоотверженно воскликнула секретарь-машинистка, и глаза у нее загорелись, как у Жанны д'Арк.

— Это очень благородно с вашей стороны,— сказал Сергей Сергеич,— но в мирное время женщины могут и не совершать ратных подвигов. Для этого хватает мужчин.

Он обвел взглядом всех присутствующих. Каждый занимался своим делом: кто собирал крошки со стола, кто чистил перо о шевелюру.

— Ну что ж,— значительно произнес Сергей Сергеич,— если коллектив считает, что нужно сказать правду в глаза, придется это сделать мне.

Мы все в один голос стали отговаривать Сергея Сергеича. Он шел на слишком большую жертву. Сказать правду в глаза прямому начальству — это уже не просто подвиг, это героизм. Мы пытались убедить его в том, что на месте первого помощника второго заместителя он незаменим не только для нашего учреждения и, если его снимут с работы, это будет большая потеря.

— Не волнуйтесь,— успокоил нас Сергей Сергеич,— все останется на своих местах.

После этого целую неделю мы посматривали на Сергея Сергеича с плохо скрываемым обожанием. Приятно было сознавать, что такой человек дышит с тобой воздухом одной и той же учрежденческой комнаты.

Пришла другая неделя, и мы уже стали подумывать, что Сергей Сергеич отказался от своей затеи. Некоторое разочарование охватило нас, но мы понимали, что нелегко решиться на такой ответственный шаг.

В пятницу Сергей Сергеич обошел все столы нашей комнаты и лично пригласил каждого к себе на именины в субботу, в семь часов вечера. К концу рабочего дня разведка, проведенная секретарем-машинисткой, донесла, что на именины приглашен не только второй заместитель, но и первый и даже сам начальник.

На следующий день мы явились к Сергею Сергеичу с подарками. Скажу прямо: таких подарков еще никто не получал у нас в учреждении. Секретарь-машинистка принесла пышный лавровый венок. Когда она вручала его имениннику, она так плакала, что все мы невольно посмотрели, нет ли на венке траурной ленты.

Сергей Сергеич чувствовал себя отлично. Он был, как всегда, весел, его супруга — Анна Степановна — сердечно потчевала гостей, подливала в рюмки водку. Часам к девяти второй заместитель основательно захмелел и полез к Сергею Сергеичу целоваться.

— До чего я тебя люблю, Сереженька! — признавался ему, переходя на «ты». — Прямо не знаю, что бы я без тебя делал.

— Я очень ценю ваше расположение, — отвечал Сергей Сергеич.

— Ну вот, — обижено захныкал второй заместитель. — Он меня не любит! Я ему «ты», а он мне «вы».

— Не имею права,— возразил Сергей Сергеич,— не имею права говорить вам «ты», поскольку таковые отношения официально не оформлены.

— Правильно!— воскликнул второй заместитель.— Вот мы выпьем с тобой на брудершафт, и тогда ты уже не посмеешь говорить мне «вы».

Они тут же налили по стопке, переплели руки, выпили, потом по обычаю три раза поцеловались, и второй заместитель, строго придерживаясь обычая, три раза выругал Сергея Сергеича.

— Охламон, мазурик, чертова перечница!— нежно выкрикнул он.

Тут наступила пауза.

— Чего же ты меня не ругаешь?— умиленно канючил второй заместитель.

— Как-то неудобно.

— Неудобно?! Да ты обязан! Обычай требует,— рассердился второй заместитель.

— Ну, если требует...— пожал плечами Сергей Сергеич и произнес строго и четко: «Эгоист! Хам! Бурбон!»

Мы все обомлели. Вот она, правда, сказанная в глаза! Что-то теперь будет...

— Дружок ты мой!— воскликнул второй заместитель.— До чего же ты здорово чешешь!

И он запечатлел на щеке Сергея Сергеича четвертый, сверхсметный поцелуй.

Все окончилось благополучно. Только в одном ошибся Сергей Сергеич: не все осталось на своих местах. С того вечера второму заместителю стали говорить правду в глаза. Не столько лично, сколько на собраниях. И вскоре всем стало ясно, что без второго заместителя вообще можно обойтись. Должность эту сократили.

Теперь Сергей Сергеич уже не первый помощник второго заместителя. Теперь он второй помощник первого заместителя.

А это уж такая должность, что не мне, в моем скромном положении, писать о ней рассказы.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Знакомьтесь: Сергей Сергеич!	3
Невыполнимое задание	4
Теория относительности	6
Междугородный разговор	9
Как бороться с шумами	11
Грамотный мужик	13
Мертвый язык	15
Загадочная история	18
История с философией	22
Друг человека	24
Музыка	27
Вечное движение	29
Взаимодействие частей	31
С помощью Нептуна	33
Товарищ Феофанов	36
Плоды воспитания	38
Мода Н-ского года	40
Цепная реакция	41
Правда в глаза	44

Наум Давыдович ЛАБКОВСКИЙ НЕВЫПОЛНИМЫЕ ЗАДАНИЯ

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 30.05.83. Подписано к печати 08.08.83. А 02754.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,10.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 2148. Зак. № 809. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

ЛОТЕРЕЯ «СПОРТЛОТО»

● Свыше 200 спортивных сооружений построены и реконструированы с участием средств, вырученных от продажи билетов спортивно-числовой лотереи «Спортлото». Сотни тысяч человек получили возможность систематически заниматься физкультурой и спортом, укреплять свое здоровье в немалой степени благодаря помощи спортивной лотереи.

● Тиражи лотереи «Спортлото» проводятся по субботам. В них разыгрываются денежные суммы от трех до 10 000 рублей. Каждый билет играет двумя вариантами (комбинациями) номеров и является выигравшим, если с результатами тиража совпадут не менее трех номеров в одном из вариантов.

● Все билеты бестиражные. Их можно заполнить на любой тираж года и даже на несколько тиражей вперед.

ЖЕЛАЕМ УДАЧИ!

**Главное управление спортивных лотерей
Спорткомитета СССР**